Кого мне бояться?

- Кендра Буркхолдер
  -
  - Оглавление
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Эпилог
- notes
  -

Кендра Буркхолдер
Кого мне бояться?

В память о Клаудине и всех верных мучениках, живших на протяжении столетий и победивших кровью Агнца, не возлюбивши души своей даже до смерти

Оглавление

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Эпилог

Глава 1

Клаудина суетилась на кухне, наспех приготавливая ужин:

— Маргарита, накрой, пожалуйста, на стол.

Девочка поспешила исполнить указание матери, и вскоре уже послышалось звяканье тарелок и ложек. В свои шесть лет Маргарита уже была надежной помощницей.

Тихонько напевая, Клаудина поставила на стол кастрюлю с дымящимся супом. Она переступила через игравших на полу Питера и Николаса. К счастью, сейчас они дружно играли. Временами Николас, только начинавший самостоятельно ходить, мешал своему трехлетнему брату. Клаудина выглянула в окно Пирсом должен был вскоре вернуться с мельницы. Да, вот уже показался его знакомый силуэт; муж легкой поступью шагал по мосту, поднимаясь вверх по улице.

Когда дверь отворилась, Клаудина обернулась, чтобы поздороваться с мужем. Она решила всегда встречать его дома с улыбкой:

— Добрый вечер.

— Здравствуй, - Пирсом улыбнулся в ответ и повернулся, чтобы поприветствовать детей, бежавших ему навстречу.

Во время ужина Клаудина внимательно посмотрела на мужа, сидевшего за столом напротив нее. В этот вечер он показался ей каким-то озабоченным. Ужиная, он, казалось, был глубоко погружен в свои мысли и едва слышал, о чем говорили другие.

— Как прошел день на мельнице? - отважилась, наконец, спросить Клаудина.

— Сегодня у меня было много работы, - ответил он с отсутствующим видом. Затем снова умолк.

Теперь и Клаудина притихла, присматривая за детьми и доедая свой ужин. Спустя некоторое время она, наконец, спросила:

— Что-нибудь случилось? Вздрогнув, Пирсом взглянул на нее:

— С чего ты взяла?

— Мне кажется, ты сегодня как-то особенно молчалив.

— Сегодня я услышал плохие новости и это занимает мои мысли. - Взглянув на дочь, слушавшую каждое его слово, он замолчал. - Поговорим об этом позже, - сказал он жене.

Клаудина тоже заметила интерес Маргариты к их разговору и пожалела, что начала его. Шел 1565 год, и это было тревожное время. Им нужно было быть очень осторожными в своих разговорах, чтобы не напугать детей. Все происходящее не укладывалось в их маленьких головках, но то, что они уже услышали, пугало их, особенно Маргариту. Страхи и ночные кошмары, мучившие ее в последнее время, заставляли быть особенно осмотрительными, прежде чем обсуждать в ее присутствии усиливающиеся гонения.

— Что ты сказал, папа? - поинтересовалась Маргарита.

— Тебе не о чем беспокоиться. Бог позаботится о нас. - Ему понадобилось еще раз напомнить ей об этом. - Просто это кое-что такое, о чем я бы хотел поговорить как-нибудь только с мамой. А сейчас расскажите мне, чем вы занимались сегодня.

— Таким образом, их беседа стала более отвлеченной и продолжалась до тех пор, пока дети не улеглись в постель.

Оставшись наедине с женой, Пирсом вернулся к начатому разговору:

— Клаудина, сегодня я услышал тревожную новость. Похоже, инквизиторы с каждым

днем становятся все решительнее. Они рассредоточили пятьсот солдат здесь, в Брюгге. У солдат одна задача - срывать каждое наше собрание и меня это очень беспокоит, но мы не можем прекратить собираться вместе.

Он сидел, задумавшись. Поскольку Пирсом являлся служителем церкви в Брюгге, на его плечах лежал тяжелый груз ответственности.

— Наставники церкви встречаются сегодня поздно вечером в доме Франкойса ван Ипера. Возможно, там будет безопаснее, чем в доме кого-нибудь из служителей.

Клаудина все поняла. Брат Франкой извещал о собраниях, проводимых в их городе Брюгге.

Пирсом подошел к окну и выглянул на улицу.

— На дворе уже темно. Думаю, мне пора идти.

После этого, он, попрощавшись, вышел за дверь.

Клаудина осталась одна, наедине со своими мыслями. Сколько она себя помнила, Питер Тительман, хорошо известный и весьма грозный инквизитор, занимался охотой на «еретиков». Он старался выявить каждого, кто не был верен государственной католической церкви. Христиане боялись Питера Тительмана и его помощников, так как он был известен своей жестокостью. У этого человека, похоже, не было совести; его политика заключалась в том, чтобы самым беспощадным образом избавляться от каждого, кто не подчиняется его требованиям.

Все было бы намного хуже, если бы не один факт. Многие люди, несмотря на то что они не принадлежали к числу верующих, не одобряли инквизицию. Люди, где бы они ни жили, не любили своего испанского короля. Король Филипп правил ими издалека, унаследовав Фландрию от своего отца - фландрийца, короля Чарльза V. Он не понимал их языка, и, как оказалось, не понимал и самих людей. Даже городские советы, которые должны были вершить суд и выносить приговоры арестованным испанскими инквизиторами, иногда отказывались сотрудничать с ними.

Клаудина вспомнила, как на мельнице несколько брюгговских предпринимателей жаловались Пирсому.

Многие люди бежали из одного города в другой, чтобы избежать преследований, и это отрицательно сказывалось на их делах - они разорялись. Естественно, что они относились к инквизиции без особой любви. Пирсом разделял их волнения, так как инквизиция и на него оказывала свое влияние. Как же он может оплачивать свои счета, если цена на пшеницу постоянно растет?

Вчера на рынке Клаудина видела одно обращение, прикрепленное каким-то возмущенным гражданином. Оно было полно язвительных выражений, обличающих инквизиторов и их невероятную жестокость. Хотя Клаудина знала, что никто из братьев в церкви не мог повесить это обращение, происшедшее было еще одним доказательством того, что народ разгневан гонениями.

Она помнила случаи и более дерзких протестов против инквизиторов. Однажды один сочувствующий, пытаясь помешать аресту, бросил палку под ноги лошади. Рассказывали также истории и о «небрежных» тюремщиках. Не один раз судебные приставы отказывались разгонять толпы из сотен людей, окружавших дом и перекрывавших дорогу инквизиторам, которые собирались произвести арест.

Пирсом и Клаудина, конечно, не могли одобрять такие действия. Хотя в их результате христиане иногда и получали избавление, однако это не было правильным. Разве не учит

Писание: «...Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»?

На сердце у Клаудины становилось все тяжелее по мере того, как она размышляла о путанице в вероисповеданиях окружавшего их мира. Как их вера и свидетельство могли быть понятыми при таком количестве различных групп, каждая из которых отстаивала какие-то свои убеждения? Среди них были и католики, хранившие верность государственной церкви, как того требовал от каждого закон. Были и те, кто не подчинялся католической церкви. Пирсом и Клаудина были членами группы, известной под названием меннониты. Они ставили перед собой цель во всем поступать только так, как учит Писание.

Кроме католиков и меннонитов были еще кальвинисты и лютеране, которые также не хотели принадлежать государственной церкви. В некоторых вопросах они разделяли убеждения меннонитов, но Пирсом и Клаудина считали, что лично они не могут принадлежать ни к одной из этих групп, так как и те, и другие были известны тем, что боролись и защищались, когда инквизиторы приходили арестовывать их. Библия же учила иному, поэтому их совесть не позволяла им так поступать. Кроме того, кальвинисты и лютеране не разделяли учения меннонитов о том, что церковь должна состоять только из истинных верующих. Они, как и католики, хотели, чтобы членами церкви были люди, крещенные в младенческом возрасте. Меннониты же твердо верили в то, что крещение должны принимать только люди достаточно зрелые для того, чтобы иметь личную веру и быть способными дать обязательство Христу, как своему Господу, и что поэтому крещение младенцев противоречит Писанию.

Как в такой путанице они могли донести ясное, чистое свидетельство окружающим их людям? А вокруг было столько несчастных людей, не имевших в сердце того Божьего мира, который был у истинных верующих.

Затем Клаудина мысленно вернулась к настоящему. Что же теперь? Положение было отнюдь не благополучным. Ей было очень хорошо известно, что, несмотря на то, что многие им сочувствовали, за последние несколько лет множество верующих погибли из-за того, что отказались отречься от своей веры. Придется ли и ей столкнуться с этим?

В глубине сердца ее тревожил вопрос: «Достаточно ли моя вера сильна для того, чтобы перенести мучения и принять смерть, если Бог допустит это в моей жизни?» Она вспомнила об одной маленькой книге, однажды сильно ободрившей ее дух. В «Het Offer des Heeren» («Жертва Господа») было множество примеров верных мучеников. В этой книге рассказывалось о мужественных душах, принявших мученическую смерть от рук своих гонителей. Они предпочли смерть отречению от веры.

По мере того, как Клаудина размышляла об этих мучениках и о том, через какие страдания им пришлось пройти, в ее сердце закрадывался страх. Какое это ощущение - быть истязаемым, высеченным розгами или сжигаемым на костре? Разве можно было вынести такую ужасную боль и страдания? При одной мысли об этом у нее по спине пробегали мурашки.

Когда она подумала о Пирсоме и детях, все естество, казалось, закричало: «Господи, не дай, чтобы с нами что-нибудь случилось. У нас такая счастливая семья. Позволь нам всем вместе жить в мире и покое. Что наши дети будут делать без отца и матери? Они такие беспомощные и во всем зависят от нас. Будет просто невыносимо видеть, как они страдают». Но ведь бесчисленное множество других матерей и отцов уже прошли через такие испытания. Почему она думает, что Господь пощадит ее?

Страх и тревога болезненно сдавили ее грудь. Она знала, что ей следует обратиться к Богу и попросить Его помочь преодолеть эти чувства и наполнить ее сердце Своим миром. По мере того, как она молилась и размышляла о Божьих обетованиях, мир, овладевавший ею, погасил это беспокойство. Теперь она знала, что бы ни уготовило для них будущее, Господь позаботится о них и даст им силы. Ведь Он обещал: «...не оставлю тебя и не покину тебя» и «...довольно для тебя благодати Моей.» Она понимала, что ей нужно просто жить день за днем и вверить свое будущее в руки Божий.

Чувство усталости овладело Клаудиной и, оставив свои размышления, она направилась к постели. Но сон все не шел, и она лежала, думая о том, что же расскажет Пирсом, когда вернется. Она тихонько попросила Бога, чтобы Он хранил его в безопасности. Наконец, она услышала звук отворившейся двери, - Пирсом вернулся. Вскоре он уже рассказывал ей о событиях, происшедших этим вечером.

— В городе действительно много солдат. Я видел двоих только в промежутке между нашим домом и домом брата Франкойса. Они прохаживались по улице, высматривая, нет ли где чего подозрительного. От этого, должен тебе сказать, чувствуешь себя как-то неуютно. Мы говорили об этом на собрании, и практически все считают, что продолжать собираться в городе становится слишком опасно. Есть предложение проводить собрания в Тиллегемском лесу за городом. Это означает, что большинству из нас придется идти гораздо дальше, но я не думаю, что это будет невозможно. Лес едва ли не в трех километрах от города.

— А не заподозрят ли они чего-нибудь при виде такого количества людей, идущих в одном направлении?

— Мы и об этом говорили. Но в любом случае это будет лучше, чем собираться в городе. Мы могли бы ходить разными маршрутами и следить за тем, чтобы не передвигаться большими группами. Мы также решили встречаться ночью или в то время, когда городская церковь не проводит служений, чтобы не вызывать лишних подозрений.

— Когда вы договорились там встретиться? - спросила Клаудина.

— Завтра вечером будет первое собрание. Утром я встану пораньше, чтобы вовремя закончить работу на мельнице! А это значит, - зевая, сказал в заключение Пирсом, - что нам не мешало бы немного поспать.

Преклонив колени и попросив в горячей, искренней молитве у Господа защиты на предстоящие дни, Клаудина и Пирсом вскоре уснули крепким сном.

Глава 2

На следующий день, вечером, Пирсом с Клаудиной и детьми отправились в Тиллегемский лес. В подготовке к вечеру, дети поспали подольше днем, зная что им придется ложится спать поздно. Все они вышли пораньше и теперь у них было достаточно времени, чтобы не спеша добраться до места собрания. Клаудину радовало, что у Пирсома были сильные руки. Ведь Николас только начинал ходить, и не смог бы сам пройти весь путь. Даже трехлетнего Питера, возможно, придется иногда нести на руках.

Они спокойно шли в теплых лучах летнего солнца и добрались, наконец, до назначенного места без происшествий. Идя по тропе, ведущей в глубь леса, они пришли к месту, расчищенному дровосеками. Утомленная дорогой семья выбрала удобное местечко и присела, чтобы немного отдохнуть.

Клаудина огляделась вокруг и от вида всей красоты природы и осознания возможности быть на этом месте наедине с Богом и его народом, ею овладело чувство благоговения и трепета. Здесь в лесу, вдали от города, все казалось таким тихим и мирным, и таким близким к Богу. Действительно, это хорошее место для встреч.

Вскоре начали подходить остальные. Повсюду среди верующих слышалось знакомое приветствие: «Мир Божий вам», и ответ: «Аминь», за которым следовало лобзание любви. Пирсом поднялся, чтобы поприветствовать человека, которого Клаудина не узнала. «Интересно, кто это? - думала она, - возможно, это служитель, посетивший нас». В этом не было ничего странного, потому что некоторые служители часто переезжали с места на место, чтобы избежать риска стать где-то слишком известными.

А что если это Иуда? Такое уже случалось и раньше. Вдруг он притворяется верующим, чтобы впоследствии предать их? О нет, я не должна так думать, чтобы не волноваться». Тихонько помолившись о том, чтобы их вечернее собрание прошло в безопасности, она твердо решила быть спокойной.

Собравшиеся негромко запели, пока подходили последние участники.

Ах, Боже мой, куда идти мне?
О, помоги ты мне в пути;
И днем, и ночью злой враг окружает меня,
Желая мою душу терзать и погубить.
Господь мой Бог, дай Духа Своего Ты мне,
Тогда пребуду вечно на путях Твоих,
И в Книге Жизни навсегда записан буду я.
Когда еще в Египте был погрязшим прочно я,
И шел легко по жизни, путь избрав широкий,
Тогда я гостем слыл желанным, был в почете;
И мир весьма доволен мною был.
Окутан был я сетью сатанинской;
И мерзостью вся жизнь моя была;
Служил я дьяволу и помогал ему в делах.
Но вот, когда я обратился к Господу
И взгляд прощальный мой на мир весь устремил,
Подмогу принял для борьбы с коварным полчищем

И сбросил ненавистную антихриста узду,
Тогда стал оскорбляем я, жестоко поношаем,
За то, что Вавилона отказался принимать советы -
Муж праведный в сем мире никогда не признаваем.
Сие читаем мы об Авеле почтенном,
И о Захарии - вы помните его,
О смелом Данииле, так несправедливо обвиненном
И брошенном к голодным, страшным львам.
Так обходились и с пророками - со всеми,
С самим Христом, сего нам не забыть.
Апостолов святых поздней постигла та же участь.
Я предпочту печаль и муки,
Страдать, как верный сын Небесного Отца.
Отвергну все богатства фараона,
Не захочу земного, тленного венца.
Не устоит то царство фараона,
В Христа же Царстве, крепком и святом;
В объятьях буду я Живого Бога.

Как это чудесно - прославлять Бога пением. Не всегда во время собраний у них была такая возможность, так как какой-нибудь прохожий мог услышать их пение и донести на них. Казалось, что здесь, наедине с природой и Богом, тихо петь было безопасно. Собравшиеся верующие поклонялись Господу, несмотря на то, что могли поплатиться за это собственной жизнью.

Когда, наконец, пришли последние участники, Пирсом занял свое место впереди. Притихшее собрание слушало его с предельным вниманием.

— Я благодарю Бога за предоставленную нам возможность поклоняться Ему здесь в этот вечерний час. Учитывая события прошедшей недели, я хотел бы ободрить вас и призвать оставаться верными Господу, чего бы это вам ни стоило. Уверен, что всем вам уже известно о пятистах солдатах, прибывших сюда, в Брюгге. Их присутствие в городе может означать лишение свободы, и даже смерть для некоторых из нас, присутствующих сегодня. Сможем ли мы устоять? Нет, своими собственными силами никто из нас не способен на это. Но «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире».

Чтобы самому укрепиться в вере, на этой неделе я читал различные места из Писания, в которых говорится о гонениях. Это весьма вдохновило меня, и я хотел бы поделиться этими истинами с вами. В Нагорной Проповеди Иисуса мы читаем: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

Заметили ли вы, что Иисус заповедует нам веселиться? Но как же мы можем веселиться тогда, когда вынуждены страдать? Он говорит, что мы блаженны; я верю, что мы можем радоваться, ибо получаем особенную благодать и благословения в такие времена, а когда наши страдания закончатся, на небесах нас ожидает великая награда. Иисус обещает нам это в прочитанных нами стихах. По мере того, как Клаудина прислушивалась к словам своего мужа, но сейчас служителя, в ее сердце воцарялись мир и уверенность в будущем. Она заново осознала тот факт, что если Господь на ее стороне, она готова перенести любое испытание. Когда Пирсом подробно говорил о той великой награде, что приготовлена

верным на небесах, Клаудина всем сердцем приняла твердое решение, что с Божией помощью пребудет верной до конца, не зависимо от того, каким будет этот конец и какие страдания ей уготованы.

Теперь Пирсом читал из Послания Петра. Клаудина вспомнила, как утром он цитировал ей некоторые из этих стихов. Она внимательно прислушивалась к их знакомому звучанию.

— «Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением: имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе. Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые».

Верующие, собравшиеся под укрывшими их деревьями, ревностно впитывали эти слова. Они служили им указателем пути при встрече с новыми опасностями. Пирсом особенно отметил тот факт, что, согласно этим стихам, они не должны были ни бояться, ни смущаться. Вот это задача! Могли ли они, не боясь и не смущаясь, исполнять свои повседневные обязанности, не зная, какие страдания уготовил для них новый день? Да, Пирсом говорил им именно о том, что Божья благодать может сделать их способными на это.

Пирсом, казалось, был особенно озабочен духовным состоянием собравшихся перед ним. Он указывал верующим на то, что они должны были всегда быть готовыми засвидетельствовать о своей вере, как заповедовано Писанием.

— Нам необходимо всегда быть готовыми дать ответ любому, спрашивающему нас о причине нашей надежды, будет ли это какое-нибудь должностное лицо, судья или сосед. Мы должны хорошо знать Писание, чтобы всегда ответить нашим обвинителям в случае, если нас приведут на суд за нашу веру.

Закончив свое обращение, Пирсом объявил о присутствии брата, у которого было для них послание.

Без особых дальнейших представлений незнакомец, которого Клаудина видела раньше, занял место перед собранием. Итак, этот гость был служителем, как она и предполагала. Она внимательно разглядывала высокого незнакомца с русой бородой. Его скромное и простое поведение наилучшим образом соответствовало положению наставника.

Он тепло всех поприветствовал.

— Дорогие друзья, я счастлив быть сегодня с вами, верующими и гражданами небесной страны. Это приносит моему сердцу огромную радость - встречать в других местах братьев и сестер, служащих тому же Богу, которому служу я. Да хранит и защитит вас Господь в предстоящие дни.

Недавно до меня дошла весть, которая тяжелым грузом легла мне на сердце. Уверен, что многие из вас помнят служителя по имени Яхим Вермирем, проезжавшего по этим местам несколько лет тому назад. Вполне возможно, что он даже крестил некоторых из вас.

Некоторые из присутствующих утвердительно кивнули, в то время как все собрание с нетерпением ожидало тревожных сообщений.

— Некоторое время назад Яхим был арестован и находится сейчас в заключении в Кельне. Там они не спешат казнить верующих, наоборот, долго и терпеливо пытаются разубедить их. Недавно я узнал, что он отрекся от веры.

Это была удручающая новость для собравшихся тайно здесь христиан! Это был

наставник, пастырь, время от времени руководивший ими! Как он мог оставить свою веру! Некоторые грустно качали головами. Возможно ли это?

— Итак, моя маленькая паства, то, что Бог сегодня положил мне на сердце, относится ко всем нам, включая наставников. В Писании говорится: «Посему кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Никто из нас не является достаточно сильным для того, чтобы не сдаться при испытании. Все мы слабы, и каждый день должны взывать к Богу о силе.

Мы действительно живем в опасное время. И обращаюсь я к вам не из-за всех этих солдат и тюрем. Причина моей тревоги - это то множество лжеучителей, которые стараются увести нас от истины. Братья, будьте тверды в своей вере! Как говорит Писание: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому, что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый, и, все преодолевши, устоять. Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности и обувши ноги в готовность благовествовать мир». Несмотря на то, что проповедь продолжалась уже длительное время, на лицах присутствующих не было и тени усталости. Они с жаждой внимали наставлениям - как вооружаться, чтобы устоять против дьявольских искушений.

Продолжая свое обращение, наставник предостерегал собрание от множества лжеучителей, окружавших их. Они знали, о ком шла речь. Кроме них были и другие, также не разделявшие учений государственной церкви - кальвинисты и лютеране.

Мы должны придерживаться Писания и быть уверенными, что исполняем его полностью. Помните, что Иисус сказал: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня». Поэтому мы не можем брать меч, чтобы защищаться, как это делают другие.

Со стороны все труднее понять нашу веру, ведь многие из церквей имеют такие разные и противоречащие друг другу верования. Братья и сестры, дьяволу угодно, чтобы было так. И он будет стремиться к тому, чтобы и нас увести от истины. Поэтому я желаю ободрить вас и вдохновить на то, чтобы вы изучали Писание и придерживались всех истин, содержащихся в Нем.

Мы не должны принадлежать к государственной церкви, даже если это будет стоить нам жизни. Библия заповедует нам «убегать идолослужения» « Мы не должны поклоняться образам. Нам была дана заповедь «покаяться и креститься... во имя Иисуса Христа для прощения грехов». Мы также не можем продолжать крестить наших детей-младенцев, когда они еще невинны и не могут покаяться.

Кроме того, Слово Божье нам ясно заповедует: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: «вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом». И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас; и буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель». Нужно ли нам более ясное учение, чем то, что нам дано здесь?

Это учение является для меня утешением и подтверждением того, что мы поступаем правильно, отделяясь от заблуждений государственной церкви. Если мы будем содержать

себя в чистоте от всякой неправды, Бог обещал пребывать в наших сердцах и быть нам Отцом. Чего же нам еще желать?

Клаудина благодарила Господа за укрепление, полученное в этот вечер, а ее уверенность в истинности избранного ими пути еще более усилилась. Как чудесно было находиться здесь с братьями и сестрами. Она знала, что из-за своих малышей она не всегда сможет посещать собрания в лесу, поэтому, пользуясь возможностью, она внимала каждому произнесенному слову.

Когда служение подошло к концу, солнце уже заходило за горизонт и тени в лесу сгущались. Пора было отправляться домой.

На обратном пути Клаудина и Пирсом тихо разговаривали.

— Сегодняшние проповеди очень своевременны. Они ободрили меня, - сказала Клаудина.

— Слава Богу, - ответил Пирсом. - Полагаю, ты не знаешь человека, проповедовавшего нам сегодня, не так ли?

— Нет, не знаю. А кто он?

— Это брат Пауэлс ван Минен, служитель церквей в южной Фландрии. Я посчитал, что будет безопаснее не представлять его.

— Пирсом, как брат Яхим мог отречься от веры? Это меня пугает. Если сам наставник, преподающий верующим крещение, отрекся от веры, то как можем устоять мы?

— Да, Клаудина, я знаю это тревожная весть. Мы должны полагаться на Божию благодать, чтобы пребывать верными. Если мы будем полагаться на свою собственную силу, мы не устоим. - Он ненадолго замолчал, размышляя над этой мыслью, а затем снова продолжил. - Пытки - это ужасно. Но Бог силен удержать нас от падения, и я в этом убежден. Я знаю, что еще не был испытан, и, возможно, мое время еще придет. Нам это неизвестно. Но можешь ли ты себе представить, что сейчас чувствует этот человек? Наверняка, он встревожен и обеспокоен. Как он может быть счастлив и пребывать в мире после того, как снова обратился к неправде? Может ли он ожидать награды на небесах?

— А я-то и не задумывалась о том, как он себя чувствует. Ах, бедный, несчастный человек. Мы должны молиться за него. Было бы куда лучше умереть страшной и мучительной смертью, чем продолжать жить, не имея мира, исходящего от Божиих благословений в твоей жизни. Да сохранит меня Господь, чтобы я не совершила ничего подобного.

— И меня, - повторил за ней Пирсом.

Они продолжали свой путь, каждый погруженный в свои мысли. Клаудина вспомнила, как однажды она уже слышала о служителе, отвернувшемся от истинной веры, чтобы избежать преследований и уже тогда происшедшее встревожило ее.

Это было сразу после того, как они с Пирсомом поженились. Им казалось, что вся жизнь - это чистая страница и они хотели, чтобы она никогда не была чем-то омрачена. Преданные друг другу, они мечтали о счастливой и мирной совместной жизни.

Клаудина помнила, как часто они с Пирсомом говорили о постоянно возрастающем беспокойстве и недовольстве государственной церковью. Почему так много людей уходили из нее, зная, что это принесет им только горе и страдания? На чьей же стороне была правда? Чем больше они об этом рассуждали, тем больше вопросов у них возникало.

Затем они начали размышлять над некоторыми пунктами уставов католической церкви. Нужно ли крестить младенцев? Делало ли это их впоследствии добропорядочными

взрослыми? А как насчет всех тех прихожан, и даже некоторых священников, которые вели весьма аморальный образ жизни? Действительно ли какой-нибудь умерший святой мог услышать их молитвы и послать им помощь, как им это внушали? Были ли Богу угодны образы, перед которыми они молились? Действительно ли они получали прощение за свои грехи, исповедуя их священнику? И как мог тот хлеб, который им преподносили на мессе, на самом деле быть истинной плотью Иисуса, как их тому учили?

Эти сомнения все больше тревожили их по мере того, как росло беспокойство окружающих. Клаудина помнила ту пустоту, которая тогда, казалось, была частью ее жизни. Чего же ей не хватало? Не может быть, чтобы весь смысл жизни заключался лишь в непрерывном хождении по кругу: впадение в грех, исповедь перед священником, отбывание кары и совершение нового греха. Куда же и к кому им обратиться?

Пирсом умел читать и начал сам изучать Писание. Нигде он не мог найти подтверждения тому, что необходимо крестить младенцев. Наоборот, он прочитал, что человек должен покаяться и затем креститься. А как может младенец покаяться? В Первом Послании к Тимофею (вторая глава, пятый стих) говорится: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус». Почему же здесь нет ни слова о священниках? В семнадцатой главе Деяний святых Апостолов есть такие слова: «И не требует (Бог) служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду... Мы не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого». Зачем же тогда молиться перед образами? Ничего не говорилось в Писании и о молитвах умершим святым. Быть может, все эти преследуемые за свою веру люди действительно были правы?

Интерес Пирсома и Клаудины возрастал, и они стали иногда посещать собрания верующих, которых называли меннонитами. Услышанное ими Евангельское учение было насыщенным, полным многих истин, которые никогда им ранее не преподавались.

А затем последовало ошеломляющее известие. Гиллис ван Акен, много проповедовавший и крестивший немало людей, был схвачен. Он сразу же отрекся от веры. Ходили слухи, что одно время в его жизни даже был грех прелюбодеяния. Как же они тогда были разочарованы! Разве это мог быть истинный путь?

Но убеждение, исходящее из Слова Божьего, укоренялось в их сердцах. Возможно, не все были такими, как ван Акен?

В конце концов, Пирсом с Клаудиной решили снова посетить собрание. Там они слушали, как Линарт Боуэнс разъяснял, что человек должен стать новой личностью во Христе и, изменив образ жизни, последовать за Господом. Похоже, это и была основа, которая отсутствовала как в их жизни, так и в самой государственной церкви, которая не придерживалась Писания, и это становилось для них все более очевидным. У этих людей были совершенно иные вера и взгляд на жизнь. Клаудине и Пирсому так не доставало истинных мира и радости, которые были у этих верующих, и они жаждали той новой жизни обетования, о которой говорилось в Святом Писании. «Итак, кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь все новое» Постепенно они осознали, что Христос может дать им истинные мир и счастье, о которых они так мечтают.

Клаудина до сих пор помнила, как потом еще не один раз у них возникало желание пойти на собрание, и как однажды они преклонили колени в молитве, признав и исповедав себя грешниками и попросив Бога во Имя Иисуса очистить их от греха и стать Господом их жизней. Она ясно помнила тот день, когда Линарт Боуэнс пустоту, которая тогда, казалось,

была частью ее жизни. Чего же ей не хватало? Не может быть, чтобы весь смысл жизни заключался лишь в непрерывном хождении по кругу: впадение в грех, исповедь перед священником, отбывание кары и совершение нового греха. Куда же и к кому им обратиться?

Пирсом умел читать и начал сам изучать Писание. Нигде он не мог найти подтверждения тому, что необходимо крестить младенцев. Наоборот, он прочитал, что человек должен покаяться и затем креститься. А как может младенец покаяться? В Первом Послании к Тимофею (вторая глава, пятый стих) говорится: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус». Почему же здесь нет ни слова о священниках? В семнадцатой главе Деяний святых Апостолов есть такие слова: «И не требует (Бог) служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду... Мы не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого». Зачем же тогда молиться перед образами? Ничего не говорилось в Писании и о молитвах умершим святым. Быть может, все эти преследуемые за свою веру люди действительно были правы?

Интерес Пирсома и Клаудины возрастал, и они стали иногда посещать собрания верующих, которых называли меннонитами. Услышанное ими Евангельское учение было насыщенным, полным многих истин, которые никогда им ранее не преподавались.

А затем последовало ошеломляющее известие. Гиллис ван Акен, много проповедовавший и крестивший немало людей, был схвачен. Он сразу же отрекся от веры. Ходили слухи, что одно время в его жизни даже был грех прелюбодеяния. Как же они тогда были разочарованы! Разве это мог быть истинный путь?

Но убеждение, исходящее из Слова Божьего, укоренялось в их сердцах. Возможно, не все были такими, как ван Акен?

В конце концов, Пирсом с Клаудиной решили снова посетить собрание. Там они слушали, как Линарт Боуэнс разъяснял, что человек должен стать новой личностью во Христе и, изменив образ жизни, последовать за Господом. Похоже, это и была основа, которая отсутствовала как в их жизни, так и в самой государственной церкви, которая не придерживалась Писания, и это становилось для них все более очевидным. У этих людей были совершенно иные вера и взгляд на жизнь. Клаудине и Пирсому так не доставало истинных мира и радости, которые были у этих верующих, и они жаждали той новой жизни обетования, о которой говорилось в Святом Писании. «Итак, кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь все новое» Постепенно они осознали, что Христос может дать им истинные мир и счастье, о которых они так мечтают.

Клаудина до сих пор помнила, как потом еще не один раз у них возникало желание пойти на собрание, и как однажды они преклонили колени в молитве, признав и исповедав себя грешниками и попросив Бога во Имя Иисуса очистить их от греха и стать Господом их жизней.

Глава 3

Клаудина вздохнула с облегчением. Посуда после завтрака была вымыта, кровати застелены и весь дом приведен в порядок. Дети все так же мило играли. Теперь она могла приступить к штопанью, ожидавшей ее целой стопки одежды.

Она едва успела взять в руки нитку и ножницы, как вдруг в дверь ворвался тяжело дышавший от сильного волнения и раскрасневшийся Пирсом:

— Клаудина, нам нужно бежать! Меня хотят арестовать! Клаудина стояла ошеломленная. В голове у нее безумным потоком один за другим проносились вопросы: «Что брать с собой? Сколько у нас времени? Куда мы отправимся? С чего мне начать?»

Маргарита, услышавшая слова отца, всхлипывая, побежала ему навстречу:

— Папа, не дай им забрать тебя!

Пока Пирсом успокаивал свою маленькую дочь, Клаудина, не теряя ни минуты, спросила:

— Что мне делать?

— Возьми побольше одежды для детей, чтобы они не замерзли, если ночь застанет нас на улице. Я возьму еды для нас на первое время. Сначала меня будут искать на мельнице, так что у нас есть немного времени, но поторопись!

Сам же Пирсом в это время второпях достал Библию, книгу мучеников и сборник гимнов. Эти несколько драгоценных книг не должны были остаться в доме и попасть в руки бессердечных людей.

— Идем со мной, Маргарита.

Бледная и дрожащая Маргарита последовала за матерью. В ее глазах блестели слезы, которые она безуспешно пыталась сдержать. Злые люди хотели прийти и отобрать у нее отца, ее опору и безопасность. Ее шестилетний жизненный опыт не мог помочь ей справиться со всем этим.

Да и у самой Клаудины на сердце было совсем не так спокойно, как она пыталась показать, успокаивая свою маленькую дочь.

— Бог позаботится о нас, Маргарита. Будь добра, принеси мне одеяло с кроватки Николаса.

Главное, чтобы Маргарита постоянно была чем-то занята - это хоть как-то уменьшит ее страдания. Когда Маргарита принесла одеяло, Клаудина снова обратилась к ней:

— А теперь помоги, пожалуйста, малышам надеть ботинки и обуйся сама.

Клаудина лихорадочно металась по дому, в отчаяньи пытаясь не забыть ничего, что им может понадобиться и бросала вещи в свою базарную корзину. А что если солдаты придут раньше, чем они успеют уйти? Клаудина стала двигаться еще быстрее, вся превратившись в слух, готовая услышать в любой момент топот конских копыт или грубый стук в дверь. Она уже не раз на секунду замирала, думая, что слышит какие-то звуки. Сильное волнение мешало ей находить нужные слова, поэтому она снова и снова повторяла: «Господи, сохрани нас».

В удивительно короткое время, которое, тем не менее, показалось Клаудине вечностью, все было собрано и готово к неожиданному путешествию. Она с детьми присоединилась к Пирсому, который только что закончил складывать на кухне еду в узел, чтобы было удобно нести.

— У тебя в корзине есть место для этих книг? - спросил он. - Они не должны быть на виду.

— Да, думаю, место найдется.

Пока Клаудина прятала книги, Пирсом подбежал к двери и выглянул на улицу. Затем он снова запер дверь.

— Еще никого нет. Мы не можем уйти, не попросив у Бога защиты.

Взяв руки Маргариты и Питера в свои, он склонил голову, и Клаудина последовала его примеру.

Пирсом молился вслух: «Отец наш Небесный, Ты знаешь сейчас нашу нужду. Просим Тебя, чтобы Ты привел нас в безопасное место, если это не против Твоей воли. Храни нас и наших малышей в пути. Помоги нам быть послушными всему, что Ты задумал для нас. Молим обо всем во имя Иисуса. Аминь».

— А теперь мы выйдем через заднюю дверь и пойдем окольными путями в противоположную от мельницы сторону. Вы, малыши, идите спокойно, и не разговаривайте ни с кем, кто встретится нам по пути. Понятно?

Они все поняли.

Пирсом взял Николаса на руки, затем поднял узел с едой и направился к двери. За ним последовала Маргарита, а самой последней шла Клаудина, неся в одной руке свою базарную корзину, а другой держа Питера за руку. Когда Пирсом собирал еду в дорогу, Питер буквально засыпал отца вопросами, но сейчас он казался вполне удовлетворенным и спокойно шел рядом. Клаудина благодарила Бога за это.

Они шли настолько быстро, насколько это было возможно для детей. Казалось, повсюду разносилось громкое эхо от стука их деревянных башмаков, объявляя всему миру об их уходе. Это было далеко не мирное путешествие. Несмотря на то, что внешне Пирсом и Клаудина выглядели спокойно, на самом деле они были в сильном напряжении и очень насторожены. Не подозрительно ли то, что они быстро идут? Что делать, если им вдруг встретится солдат?

Пирсом вел семью переулками той части города, которая была едва знакома Клаудине. Брюгге славился своей красотой, множеством каналов и мостов, но сегодня пустившаяся в бегство семья ни разу и не вспомнила об этой красоте. Наконец они достигли окраины города. Мысль о том, что город остался позади, немного сняла напряжение, в котором они находились. Они продолжали свой путь, не зная когда их побег обнаружат и будет организована погоня. Минуты казались им часами.

Выйдя за пределы Брюгге, они заметили, что впереди, за грунтовой дорогой, начиналась лесистая местность. Семье, находившейся в бегах, это место показалось неплохим убежищем.

— Почему бы нам не сойти с дороги и не зайти подальше в лес, где нас никто не увидит и не услышит? Малышам нужно отдохнуть, и мы все могли бы немного перекусить. Нам тоже не мешало бы передохнуть, собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

Клаудина согласилась с Пирсомом. Выйдя за пределы города, она немного успокоилась, но находиться на дороге все же было опасно. Ей постоянно хотелось оглянуться, чтобы посмотреть, нет ли сзади солдат, идущих арестовать их. Клаудине действительно пора было присесть и немного расслабиться.

Вскоре они пробрались вглубь леса к уединенному и безопасному месту. Клаудина достала еду. Дети были рады возможности присесть и отдохнуть в тишине. Склонив головы в молитве благодарности Богу за пищу, они также поблагодарили Его за то, что Он вывел их из

города в целости и сохранности.

По окончании молитвы Клаудина дала каждому ребенку и Пирсому по куску хлеба и сыра. После вынужденной утренней прогулки все очень проголодались.

— Пирсом, как ты узнал о том, что тебя хотят арестовать?

— Сосед Ганс, который живет рядом с мельницей, предупредил меня. Как ты знаешь, он является членом совета. Ганс занимает такую же позицию, как и многие другие, - в действительности же не поддерживает инквизицию, но боится слишком много говорить по этому поводу. Но как бы там ни было, услышав о том, что меня собираются задержать, он тут же поспешил на мельницу и сообщил мне об этом, чтобы я мог бежать из города.

— Как хорошо, что он проявил к нам такую доброту. Но что мы будем теперь делать? Ты хоть представляешь, куда мы направляемся?

Сейчас, когда они, казалось, находились в безопасности, Клаудина задумалась о том, что будет с ними дальше.

— Пока точно не знаю, но я об этом думал. Дорога, на которой мы находимся, ведет к югу на Минен. Там есть немало братьев. Возможно, они смогут помочь нам найти жилье и устроиться среди них. Мне кажется, это будет лучше всего. А ты как считаешь?

— Думаю, что тебе виднее. Кажется, это неплохая идея. Но сколько нам понадобится времени, чтобы попасть туда? - поинтересовалась Клаудина.

— Думаю, что с детьми, которые не смогут идти быстро, это займет, по крайней мере, два дня. Я почти уверен, что мы к завтрашнему вечеру еще не доберемся до Минена.

Пирсом на минуту замолчал, и на его лице появилось выражение беспокойства:

— Но где мы будем ночевать? Из-за того, что так много беженцев направляются в другие города, люди стали с большим подозрением относиться к путешественникам. Я не уверен, что будет безопасно просить незнакомых людей о ночлеге. А осенние ночи становятся все холоднее. Как ты думаешь, дети не замерзнут, если нам придется ночевать под открытым небом?

Клаудина, немного подумав, ответила:

— Смотря насколько холодной будет ночь. Может быть, нам стоит подождать до вечера, и затем принять решение. Сейчас ведь мы все равно не можем ничего предпринять, не так ли? Нам просто нужно молиться и доверить Господу разрешение этого вопроса.

— Ты права, - улыбка сменила выражение озабоченности на лице Пирсома. - Спасибо за поддержку. Ну что, продолжим наш путь? - он нагнулся, чтобы взять на руки уснувшего Николаса.

По мере того, как день подходил к концу, терпение и выносливость детей тоже исчерпывались. Пирсом и Клаудина сами едва ли могли продолжать путь. Нести на руках спящего малыша, вещи и еду было задачей не из легких.

Питер, которому уже почти исполнилось четыре года, был еще слишком мал, чтобы понимать, что силы отца тоже ограничены.

— Папа, я устал. Возьми меня на руки. - Бедный Питер был готов расплакаться. Они и так уже замедлили шаг ради этого малыша и не раз останавливались, чтобы отдохнуть. Все чаще и чаще он жаловался и спрашивал: - Почему мы не идем домой?

— Мы не можем, Питер! Злые люди найдут нашего отца и посадят его в тюрьму, - рассудительно ответила Маргарита. - Я тоже устала, и у меня сильно болят ноги, но домой нам идти нельзя.

Клаудине было жаль своих бедных детей. По крайней мере, Маргарита проявила отвагу

и держала себя в руках.

— Что будем делать, Пирсом?- спросила Клаудина мужа.

Пирсом осмотрел окрестности.

— Давайте сделаем остановку и присядем на траве вон там, впереди. Хотя еще и рано, мы могли бы немного перекусить. Возможно, детям станет полегче. Уверен, что и ты нуждаешься в отдыхе.

Совершенно обессиленные, они присели у обочины дороги. Питер вскоре уснул, растянувшись на траве.

Это было потрясение, выбившее их всех из колеи. Оба, и Пирсом и Клаудина, знали, что, скорее всего, для них уже никогда не будет безопасным возвращение в Брюгге. За такое короткое время их жизнь полностью изменилась. По дороге Клаудина думала обо всех тех друзьях, которых они покинули, даже не попрощавшись. Узнают ли они о том, что с ними случилось? С сожалением она вспоминала о своей домашней утвари, оставшейся в доме. О кроватях, о прялке, о посуде и кастрюлях, о мыле и свечах, которые она делала с таким трудом - обо всем.

Как же она сможет обходиться только тем ограниченным количеством вещей, которые они взяли с собой? У Пирсома в кармане было несколько монет, но этого им надолго не хватит. Многое из того, что осталось в доме, было дорого ей. Там были покрывала и посуда, принадлежавшие ее матери и бабушке, и ей стоило огромных усилий расстаться с ними. Чем дальше они уходили от своего дома, лишенные всего, кроме нескольких вещей, которые смогли взять с собой, тем острее она чувствовала себя нищей и разоренной. Но в то же самое время она напоминала себе, что по-прежнему богата. Их семья сохранена. Клаудина с радостью бы отдала все, что имела, ради того, чтобы они были вместе. Что бы она делала без Пирсома?

Пирсом тоже был глубоко задумчив. Он оставил собрание. Означало ли это, что он уклонился от ответственности? Ему было тяжело уходить от ответственности и обязанностей наставника, но там оставались и другие служители, которые могли продолжить его труд. А о своей семье он должен позаботиться сам. Как он сможет ее содержать? Ему пришлось оставить дом, работу, абсолютно все, чем они владели.

И как можно было быть уверенным в том, что им больше ничего не угрожает? Ответственность за безопасность семьи тяжелым грузом лежала у него на сердце. Что, если инквизиторы выйдут на них в Минене? Возможно, они уже сейчас напали на их след. Чувствовать себя дичью, на которую объявили охоту, не доставляло удовольствия.

Но после того, как вся семья, сидевшая на обочине дороги, склонила головы, чтобы поблагодарить Бога за пищу и снова вверить Ему все свои заботы, Пирсом и Клаудина почувствовали себя достаточно обновленными и ободренными, чтобы и дальше продолжать уповать на Господа в разрешении всех своих проблем. Он защищал их до сих пор, и они могли вполне доверить Ему свое будущее.

Вдруг Маргарита воскликнула, указывая на дорогу:

— Кто-то идет!

Тотчас же все стали смотреть в сторону человека, который шел по направлению к ним.

И снова Пирсом с Клаудиной почувствовали напряжение, которое возникало всякий раз при встрече с чужими людьми. Незнакомец быстро приближался. Вся семья пыталась продолжить свой обед, как будто в том, что они здесь находились, не было ничего необычного.

Незнакомец, казалось, следил за ними и немного замедлил шаг. Клаудина подумала, что он похож на безобидного пожилого человека, но все же надеялась, что он пройдет мимо и не будет их беспокоить.

Но у незнакомца были другие намерения. Он остановился у края дороги и сказал:

— Добрый день.

Он осмотрел небольшую группу собравшихся и улыбнулся, когда его взгляд остановился на спящем Питере.

— Добрый день, - вежливо ответил Пирсом.

— Какой сегодня прекрасный день, не правда ли? - продолжал незнакомец.

— Да, действительно, - ответил настороженно Пирсом.

— Далеко направляетесь?

Какое-то время Пирсом колебался, не зная, насколько он мог доверять этому человеку:

— Да, нам предстоит далекий путь.

Клаудина заметила, что Пирсом не сказал, куда именно они идут.

— Я знаю, что рискую, спрашивая вас об этом, но... - пожилой незнакомец на мгновение замолчал, - вы, наверное, бежите в другой город в поисках безопасности?

Молчание Пирсома было утвердительным ответом

— Не бойтесь меня Я - безобиден. Очень много людей вынуждены решаться на такое в наши дни, и когда я увидел здесь вашу небольшую семью, то подумал, что, возможно, с вами произошло то же самое. Моему собственному сыну тоже пришлось забрать свою семью и спасаться бегством. - Глаза говорившего наполнились слезами. - Ужасное настало время, - грустно продолжал он, качая головой. - А теперь скажите мне, вам есть, где переночевать? Мы живем в соседней деревне, и моя жена будет рада накормить вас горячим ужином и предоставить место для ночлега.

Пирсом с Клаудиной молча переглянулись, думая о своем положении. Что имел в виду этот человек? Разве он не знал, что укрывание анабаптиста могло стоить ему жизни? Раньше уже были случаи, когда людей приговаривали к смерти за предоставление жилища верующим. А что, если это ловушка?

Но человек казался искренним, и то, как он говорил о своем сыне, помогло им преодолеть страх. Наконец Пирсом сказал:

— Благодарим вас за вашу доброту. Было бы замечательно, если бы детям нашлось, где переночевать.

— Вот и чудесно. Я пойду вперед и предупрежу жену. А вы подходите, когда сможете. Нам необязательно представляться друг другу - так будет безопаснее.

Объяснив подробно, как найти дорогу к их дому, пожилой человек продолжил свой путь.

Вскоре Пирсом с Клаудиной сложили свои вещи и снова пустились в путь. Пирсом был благодарен Богу за то, что Он был так добр к ним и обеспечил их ночлегом. Но Клаудина продолжала тревожиться:

— А что, если он отправился, чтобы выдать нас властям? - спросила она Пирсома.

— Я не думаю, что он это сделает, и, главное, мы должны доверять Господу. Не знаю почему, но я верю этому человеку. Что-то особенное было в том, как он говорил о своем сыне. Для него опасно вести нас в свой дом на виду у людей, - сказал Пирсом.

Он был прав. Об этом Клаудина не подумала.

Надежда на то, что они скоро отдохнут, придала всей семье новые силы, чтобы

продолжить путь, и вскоре они уже пришли в деревню и нашли дом незнакомца, как он и говорил. Его жена тепло их приветила и пригласила войти.

После вкусного, горячего ужина Клаудина уложила измученных детей в постель. Пирсом хотел еще немного побеседовать с хозяином.

— Вы верующий? - спросил он его.

— Видите ли, существует так много разных вероисповеданий, - собеседник Пирсома уклонился от прямого ответа. - Как узнать, какое из них правильное? Есть кальвинисты, лютеране, анабаптисты. Мне кажется, что из всех этих групп анабаптисты наиболее близки к истине. Если я не ошибаюсь, вы ведь к ним принадлежите?

— Мы предпочитаем называть себя просто братьями, некоторые еще называют нас меннонитами, по имени Менно Симонса, одного из бывших служителей. Да, именно к ним мы и принадлежим, - признался Пирсом.

— Я так и думал. Сам я еще не присоединился ни к одной из групп. Я знаю, что в настоящее время в католической церкви многое неправильно, но я все еще посещаю мессу. - Его голос постепенно затихал и наступила тишина. Спустя некоторое время он продолжил: - Несмотря на то, что ваш образ жизни наиболее верный, если бы я к вам присоединился, то тем самым только навлек бы на себя неприятности. Но, как я уже говорил, я не в восторге от некоторых групп, отделившихся от государственной церкви. Они ничем не лучше. Если бы им удалось привлечь на свою сторону достаточное количество людей, то они сделали бы свою церковь государственной и преследовали бы всякого, не подчиняющегося им. Пирсом согласно кивнул.

— Именно в этом мы отличаемся от них. Церковь должна быть отделена от государства, чтобы быть чистой. Это и есть основная причина нашего разделения с государственной церковью. Библия учит нас держаться вдали от всякого рода зла, а также говорит о том, что церковь должна состоять из людей праведных, решивших следовать за Господом. Когда младенцев крестят, тем самым принимая их в церковь, и все остальные тоже являются членами церкви, поскольку от них это требуется, то в этой церкви неизбежно будет присутствовать зло. Я не могу принадлежать к подобной церкви.

— А эти другие группы считают, что могут сражаться, чтобы защитить себя и создают множество новых проблем. Я даже слышал об одних лютеранах, которые в одной руке держали Библию, а в другой - кружку с пивом. И они считают себя самыми правильными, - возбужденно говорил хозяин дома.

— Так делать нельзя, как и многое другое, что происходит в католической церкви и поэтому для того, чтобы жить согласно Писанию, нам пришлось покинуть государственную церковь и больше не принадлежать к ней, - сказал Пирсом. Некоторое время он внимательно слушал своего разговорчивого собеседника, но теперь он и сам желал ему кое-что сказать. - Все мы, без исключения, однажды должны будем ответить за свою жизнь пред Богом. А как же вы? Ведь вы знаете, что истинно и что нет, и вам придется ответить пред Богом за то, как вы распорядились своим знанием. Не бойтесь принадлежать к праведникам, даже если это и будет угрожать вашей жизни. Если вы постыдитесь Христа сейчас, то Он, в Свою очередь, не признает вас в жизни будущей. Жизнь - вещь серьезная. Находитесь ли вы там, где Бог желает вас видеть?

Пожилой человек слушал, со всем соглашаясь, но, тем не менее, не высказал желания принять такое решение, которое бы изменило всю его жизнь. Пирсом был обеспокоен судьбой этого человека, который, как и многие другие, знал, в чем заключается истина, и

поддерживал всех, кто ей следовал, но сам не хотел заплатить высокую цену посвящения себя такой жизни.

На следующее утро хозяин дома, так любезно предоставивший им ночлег, настоял на том, чтобы отвезти их к окраине Минена на своей повозке. Клаудина про себя поблагодарила Господа за то, что Он таким чудесным образом позаботился о нуждах ее детей в этом неожиданном путешествии.

Глава 4

Длинный летний вечер уже подходил к концу, когда Пирсом и Клаудина закончили чтение Библии и помолились вместе с детьми. Какая это была радость - снова наслаждаться привычным, установившемся в семье порядком. Дети отправились немного поиграть, а Пирсом с Клаудиной сидели и разговаривали.

Уже почти целый год они находились в Минене. Шло лето 1566 года. Пауэлс ван Минен, Жак (мастер по изготовлению свечей) и Пирсом - все несли служение в группе верующих, собиравшихся на полях и в других уединенных местах, в окрестностях Минена и Кортрийка.

— Сегодня, как ты знаешь, я встречался с Жаком и Пауэлсом, - начал Пирсом. - Боюсь, что впереди нас всех ожидает еще больше неприятностей в связи с распространением иконоборчества. - Пирсом старался говорить тихо, чтобы дети не слышали, о чем шел разговор. - Братья сказали, что в Брюгге был сильный бунт. Кальвинисты и лютеране пытаются навязать свой путь веры любыми средствами. Они прошли по улицам к католической церкви и полностью разрушили ее. Все окна выбиты, алтари уничтожены, церковь разрушена - по крайней мере, так говорят в деревне. Это происходит и в других городах. Мятежники уничтожают статуи, сжигают весь церковный инвентарь, выгоняют монахов из монастырей и разрушают сами монастыри.

Клаудина не была в курсе этих последних событий.

— Как могут они думать, что поступают правильно? Нигде в Библии не говорится о том, что мы должны вести себя таким образом. Они сами усложняют себе жизнь. Я уверена, что теперь власти будут еще более отрицательно относиться к ним.

Пирсом согласился с ней.

— Они усложняют и наше положение. Единственное, что мы можем сделать - это не иметь никакого отношения к этим мятежам. Видишь ли, люди пытаются понять, почему мы не вмешиваемся в этот конфликт. Многие инквизиторы и власти не хотят, чтобы люди знали о том, что наше убеждение - это не противиться злу, восстающему против нас. Они расклеивают воззвания (обращения) и рассылают документы, в которых говорится, что мы просто хитрим и пытаемся привлечь побольше последователей, прежде чем начать сопротивление. Они хотят, чтобы люди думали, что именно это является причиной нашего непротивления насилию.

— Но ведь это неверно. Как мы можем показать людям, что у нас на это есть более веские причины?

— Думаю, что никак, Клаудина. Но, по крайней мере, они знают, что мы не станем принимать участия во всех этих разрушениях. Нам просто нужно продолжать жить так, как того желает Господь, а остальные пусть думают, как им угодно.

— Как ты считаешь, повлечет ли все это за собой новые гонения? - взволнованно спросила Клаудина, и на лице ее появилась тень беспокойства.

— Я почти уверен, что так оно и будет.

Под тяжестью этой новой угрозы Клаудина, казалось, пала духом.

— Знаешь, Пирсом, временами я так жалею, что Риджент Маргарэт не послушала членов совета, обращавшихся к ней весной с просьбой остановить инквизицию. Ты только подумай, как все могло бы быть. До сих пор мы жили здесь, наслаждаясь нормальной

семейной жизнью, и это так хорошо. Но теперь нас постоянно давит эта тяжесть неуверенности в будущем. Если бы инквизицию остановили, мы могли бы спокойно жить и служить Богу, не боясь, что нам придется за это страдать. Ты представляешь, как бы это было! Просто чудесно! Но теперь, в связи с этими новыми проблемами, мне кажется, что впереди нас ожидают черные дни.

Пирсом понимал, какая борьба шла в сердце его жены, и пытался найти слова, чтобы ободрить ее.

— Ты можешь быть уверена, что Бог даст нам силы и мужество, если мы будем призваны пройти через страдания. Он и другим помогал в пути, и ты знаешь, насколько их сила и мужество вдохновляют нас.

Да, они действительно были свидетелями страданий некоторых своих братьев. Клаудина всегда поражалась их спокойствию, отваге и свидетельствам о том, как Господь пребывал с ними. И все же, при мысли о том, что ей самой, возможно, придется столкнуться с этим, у нее по спине пробегала дрожь.

Пирсом продолжал:

— Иногда мне кажется, что если бы мы никогда не испытывали страданий, то, возможно, чересчур наслаждались бы этой земной жизнью и не стремились бы к небесам. Мы могли бы возомнить, что сами контролируем свою жизнь и потеряли бы веру в Бога. Библия обещает преследования, ты это знаешь. Пусть я лучше буду страдать, нежели моя вера охладеет от того, что жизнь слишком удобна. Бог всегда будет с нами. Даже в часы испытаний. Если даже ни одна малая птица не падает на землю без Его воли, то осознаешь ли ты, насколько больше Он заботится о нас и наших нуждах?

— Я знаю, что ты прав, но иногда об этом забываю, ты напоминай мне об этом. Что бы я делала без тебя, если бы ты не был всегда готов выслушать меня и помочь? - Она сжала его руку и встала. - А теперь пора укладывать малышей в постель. Пойдемте, дети! Вам нужно умыться перед сном.

Услышав голос матери, все трое послушно последовали за ней.

Пирсом задумчиво наблюдал за тем, как его жена и дети раскладывали по местам те несколько простых игрушек, которые у них были, и готовились ко сну. Внезапно на него нахлынуло чувство благодарности Богу за этот маленький семейный круг, которым Он его благословил. Его взгляд остановился на жене. Клаудина, безусловно, была красивой женщиной - не только внешне, но и внутренне. Аккуратное покрывало, закрывавшее большую часть ее светлых волос, было истинным символом ее подчинения своему мужу. Он глубоко ценил многие ее положительные качества: веру, честность по отношению к нему как мужу, материнскую заботу о детях, ее прямоту и послушание ему, жизнерадостный дух, часто находивший выражение в песне. Что бы он без нее делал? Она так хорошо и умело вела хозяйство и поддерживала полный порядок во всем доме. Пирсом сказал себе, что должен еще раз поблагодарить ее за то, что она была такой прекрасной женой и матерью.

Глава 5

Клаудина осторожно бросала крошечные семена в лунки, которые она сделала с помощью заостренной палки. Был теплый весенний день, идеальный для посадки огорода. Будто заряженные энергией теплого солнца, смеясь и крича, по двору бегали дети.

Не прерывая работы Клаудина перечисляла полученные ею от Бога благословения. Господь был так добр к ним. Чудесная погода располагала к тому, чтобы смотреть на светлую сторону жизни. Они пережили уже две зимы здесь в Минене, и до сих пор их никто не беспокоил. Ее переполняло чувство благодарности Богу за такое благословение, хотя она и не знала, как долго это будет продолжаться, ибо многие вокруг них не имели таких благословений.

Затем ее мысли обратились к одному из самых замечательных благословений. Вскоре в их семье должен был родиться еще один ребенок. Она так долго мечтала о нем и ждала его появления. Интересно, это будет сестричка

Маргарите или еще один сын? В любом случае она была счастлива, лишь бы только он был нормальным и здоровым, если это будет угодно Господу. Внезапно тень беспокойства омрачила ее приподнятое настроение. Но нет, она должна уповать только на Господа. Он, Который сотворил ее и ее малыша, может благополучно ввести его в мир. Она не станет позволять чувству страха перед сложностями тревожить ее.

Но с ожиданием рождения ребенка возникла и проблема сохранения в тайне его появления. Католический священник не должен был знать о новорожденном. В противном случае это могло повлечь за собой большие проблемы, потому что они не собирались крестить своего младенца. Клаудина благодарила Бога, за то что у нее была подруга, которой она могла доверять - жена дьякона Жака. Она будет большой помощью Клаудине во время родов.

Она размышляла о том, что могло ожидать в будущем этого малыша, которого уже любила и появления которого ждала с нетерпением. Сейчас они все находились в большей опасности, чем когда-либо. С тех пор как в стране началось распространение иконоборчества, власти стали еще более усердно вылавливать всех тех, кто был неверен католической церкви.

Пирсом с Клаудиной часто молились за своего еще не рожденного ребенка так же, как и за остальных своих детей. Клаудина не могла не надеяться и молилась, чтобы Бог уберег ее детей от страданий. Она была свидетелем того, какое горе переживали дети, у которых забирали родителей. Она боялась даже подумать о том, как повели бы себя ее собственные дети, случись подобное с ней или с Пирсомом. Осознавая, что будущее полно неопределенности, Клаудина решила, что самое лучшее, что она может сделать - это предать свое бремя Господу и вручить будущее своей семьи в Его заботливые руки. Все ее сомнения и страх были преодолены, когда она вспомнила Божье обетование о том, что Он, будучи верным, всегда будет отзываться на их нужды, хотя, возможно, и не так, как ей бы хотелось.

Однажды утром, вскоре после восхода солнца, уставшая, но радостная Клаудина, убаюкивала, держа на руках своего новорожденного сына Яна. Она долго всматривалась в его крошечное личико. Красное и сморщенное, оно было для нее самым прекрасным. Пирсома тоже переполняло чувство радости, когда они вместе рассматривали беззащитный маленький сверток. Это было не только еще одно благословение от Бога им на радость, но и

дополнительная ответственность - бессмертная душа, вверенная им для воспитания и формирования по своему усмотрению. «Какая невероятная ответственность для недостойных человеческих рук!» - думала про себя Клаудина.

Ее лицо озарила улыбка при виде того, как ее малыш принимал приветствия от своей сестры и братьев. Дети нежно любили своего младшего братишку и, казалось, никогда не уставали держать его на руках. Клаудина была благодарна жене дьякона Жака за ее постоянную помощь. Когда ее силы восстановились, женщина снова вернулась к своим собственным обязанностям.

Родители Яна, так же как и остальные дети, с радостью замечали его первые улыбки, заботливо ухаживали за ним, когда он болел, спешили успокоить его, когда он плакал, и поощряли его одобрительными восклицаниями, когда он открывал для себя что-то новое.

Клаудина часто сидела и размышляла, глядя в круглое личико своего маленького сына. Что уготовило для него будущее? Вырастет ли он верным слугой Господу? Действительно ли они с Пирсомом правильно воспитывают детей? Она не раз изумлялась тому, насколько дети были восприимчивы к научению, и как легко и быстро они усваивали то, что им говорят. Но порою казалось такой нелегкой задачей вложить в них все то, что им необходимо было знать, чтобы вырасти и стать богобоязненными и полезными для Господа взрослыми. И каким ужасным мог быть исход в том случае, если им не удастся этого сделать! Когда она, сидя в кресле-качалке, подумала и о такой возможности, из ее сердца вознеслась молитва к Богу о мудрости.

Иногда, разглядывая своего невинного, мирно спящего младенца, Клаудина думала: «Буду ли я жить и видеть, как он растет? Или, быть может, Господь вернется и заберет нас всех домой, на небеса, пока все наши дети еще находятся в безопасной невинности? Как было бы замечательно покинуть землю таким образом. Никакого горя, страданий, боли, и не пришлось бы покидать никого из родных. О, Господь, помоги мне, не зависимо от того, что уготовило для меня будущее, всегда верно исполнять свои обязанности и однажды встретиться с Тобой без чувства сожаления».

Глава 6

На редкость влажный летний день уже подходил к концу, и Клаудина чувствовала себя уставшей и измученной. Она спешила поскорее закончить мытье посуды, чтобы, наконец, сесть и отдохнуть. На ее лице появилась улыбка, когда она бросила быстрый взгляд на Пирсома. Тот сидел рядом в кресле, отдыхая после тяжелого трудового дня и наслаждаясь общением с детьми. В одной руке он держал спящего Яна, а другой обнимал Николаса, сидевшего у него на коленях. Маргарита и Питер, перебивая друг друга, рассказывали отцу о своих маленьких проблемах, которые имели такое большое значение в детском мире.

— Тук! Тук! Тук!

Пирсом слегка приподнялся и поставил Николаса на пол, намереваясь подойти к двери, но дверь вдруг сама отворилась настежь и на порог ступил человек, в котором Клаудина узнала члена городского совета.

— Пирсом, беги скорее отсюда. Тительман идет арестовывать тебя.

С этими словами он повернулся и исчез, не желая быть замеченным, когда придут инквизиторы.

И снова мирную жизнь семьи сменил ужас и смятение. Клаудина метнулась вперед и схватила на руки малыша, в то время как Пирсом пытался высвободиться из рук плачущих детей.

Она крикнула мужу, не обращая внимания на поднявшийся шум:

— Пирсом, иди скорее через заднюю дверь и беги в лес!

— Но вы тоже должны пойти со мной! Я не могу оставить вас здесь! - ответил, волнуясь, Пирсом.

— Ах, пожалуйста, иди быстрее! Я присоединюсь к тебе, как только смогу, - торопила его Клаудина.

Пирсом развернулся и выбежал через заднюю дверь. Наклонившись, чтобы успокоить детей, Клаудина заметила, что к ним во двор заходят соседи. Инквизиторы, должно быть, были уже близко. Затем, среди нараставшего на улице шума, Клаудина услышала стук конских копыт. Это были инквизиторы. Ей нужно было бежать. Но как она могла бежать с детьми? Какое-то мгновение она колебалась, а затем с Яном на руках вышла через заднюю дверь.

Как только она переступила порог, передняя дверь распахнулась настежь. Лес был безнадежно далеко. Крепко прижав Яна к груди, она сделала несколько отчаянных шагов в его направлении.

Внезапно у нее внутри похолодело, когда она услышала позади себя крик:

— Вон жена того человека, которого вы ищете, с ребенком на руках!

Через несколько мгновений схваченная Клаудина предстала перед Питером Тительманом, наводившим на всех страх инквизитором.

Первые его слова были заглушены знакомым плачем Маргариты, смешанным с плачем Питера и Николаса. О, как этот плач напуганных детей разрывал ее сердце, когда те, подбежав с неистовыми рыданиями, вцепились в ее юбку. Держа в одной руке Яна, она пыталась утешить их, но чья-то безжалостная рука оторвала их от матери и оттащила в сторону. Добрые соседи напрасно пытались их успокоить. Клаудине было безразлично, что будет с ней самой; но она не могла смотреть на те страдания и страх, которые выпали на

долю ее детей.

Пока Тительман и его помощники осматривали дом в поисках Пирсома, Клаудину охранял один из солдат. Она воспользовалась этими несколькими минутами и позвала к себе детей. Она целовала и обнимала их, в то время как они, плача, прильнули к ней. Наклонившись, она шептала им на ухо слова утешения. Но что она могла им сказать, когда ее собственное сердце вот-вот грозило утонуть в море слез? Она должна была сохранять спокойствие ради них. Позже у нее будет достаточно времени выплакаться. Что же будет с ее дорогими детьми? Увидит ли она их когда-нибудь снова?

Инквизиторы закончили свой безуспешный обыск и теперь стояли рядом, решая, что им делать с пленницей. Может быть, посадить ее в тюрьму в Минене?

— Помните, чем все закончилось в прошлый раз, когда мы поместили заключенного в темницу в том городе, который не был окружен стеной? - сказал один из них. - Люди взломали двери тюрьмы и выпустили оттуда четыреста заключенных. Здесь ее оставлять нельзя.

Обсуждая, куда им отвезти свою пленницу, инквизиторы время от времени бросали на толпу подозрительные взгляды. Собравшиеся не слишком-то им сочувствовали. Здесь и там слышались произносимые шепотом слова «Иуда» «Предатель», и на человека, указавшего инквизиторам на Клаудину, устремлялись ненавидящие взгляды.

Вскоре решили отвезти арестованную в Айпрес, и одного из судебных приставов послали за телегой. Через некоторое время Клаудину грубо втолкнули на повозку, и все отправились в путь.

Прижав к себе Яна, Клаудина склонила голову и дала волю слезам, давно готовым вырваться наружу, и плач ее испуганных детей эхом отзывался у нее в ушах. Если бы только этим маленьким невинным созданиям не нужно было проходить через этот ужасный кошмар. В этот момент она почти пожалела, что у нее вообще были дети.

Когда первый приступ плача утих, Клаудина начала молиться. На протяжении всех пятнадцати километров пути в Айпрес она так и сидела, склонив голову над своим малышом. Подчиняясь растущему желанию, Клаудина обратилась за утешением к своему Небесному Отцу, чему она научилась раньше, в часы испытаний. Она сказала себе, что тот Бог, который держит под контролем всю вселенную, может позаботиться и о ее детях. Тот, без Чьей воли не упадет на землю и малая птица, даст все необходимое и не оставит троих маленьких детей, потерявших мать. Но, несмотря на это, по мере того как солнце садилось за горизонт, Клаудина с болью в сердце думала о том, какой ужасный страх будут испытывать ее дети этой ночью, плача о своей матери. Она думала о них, но не о собственной судьбе.

Клаудина была рада, что ее не заставили оставить Яна. Она даже была удивлена, что у нее не отобрали ребенка. Возможно они знали, что он все еще нуждался в материнском молоке. Но каковы бы ни были причины, Клаудина благодарила Бога за то, что Он не допустил этой разлуки.

Когда телега въехала в городские ворота и, гремя, покатилась вниз по выложенной камнями улице, Айпрес уже был погружен в темноту. Прямо перед ними, бросая продолговатую тень на освещенную луной улицу, вырисовывался замок из черного камня, пронизывавший своими остроконечными верхушками ночное небо. При одном его виде у Клаудины по спине пробежала дрожь, но в то же самое время на душе у нее было удивительно спокойно Она отправлялась в тюрьму не как преступница, а как христианка. Не

было никакого сомнения в том, что Господь будет рядом с ней.

Глава 7

Пирсом, задыхаясь, бежал по лесу, отчаянно стремясь углубиться подальше, пока не почувствовал, что находится в безопасности; наконец он присел, чтобы подождать Клаудину.

Он ждал напряженно и беспокойно, и, по мере того как шло время, внутри его рос гнетущий страх. «Что ее задерживает? Почему она не идет? Почему, о, почему я не настоял на том, чтобы она сразу же пошла со мной? Возможно, она не осознала, насколько близка и велика была опасность и поэтому не покинула дом вовремя».

Затем ему в голову пришла утешительная мысль. «Может быть, им был нужен только я, и она придет, когда сможет ускользнуть из дома незамеченной, и обо всем мне расскажет. О, Господь, пожалуйста, приведи ее сюда в целости и сохранности. И прости меня за то, что я оставил ее».

Но время шло, а Клаудина все не появлялась и взволнованный Пирсом начал ходить взад-вперед по лесу. Чем дольше он ждал, тем больше усиливался его страх. Ох, что же он будет делать, если Клаудину арестуют?

В конце концов, Пирсом больше не мог этого выносить. Осторожно, вглядываясь в темноту сквозь деревья, он отправился назад по той же тропе, по которой пришел. Еще была надежда, что Клаудина придет. Сейчас он уже мог видеть их дом. Присев за кустарником, Пирсом смотрел сквозь ветки.

Вдруг он рукой закрыл себе рот, чтобы заглушить крик, готовый сорваться с его губ. Он увидел, как, направляясь вниз по улице, катилась телега, на которой сидели Клаудина с Яном. Никогда в жизни они еще не казались ему такими дорогими, как в эту минуту. И такими беспомощными и одинокими. Пирсом с трудом подавил желание побежать и спасти их. Он понимал, что это было невозможно. Он присмотрелся получше. Нет, других детей с ними не было - только Клаудина и Ян. Солдаты, ехавшие верхом и сопровождавшие телегу, не оставляли никаких сомнений относительно того, что здесь произошло.

Но куда они направлялись? Это была не та дорога, что вела к Миненской тюрьме. Куда же они увозили его жену?

Он должен был оставить место своего наблюдения, иначе его могут заметить. Оставаться здесь было небезопасно. Согнувшись под тяжестью невидимого бремени, он быстро направился по тропе, ведущей вглубь леса. Отыскав уединенное место, он присел, уронив голову на руки. Почему он не остался с Клаудиной? Почему он не настоял на том, чтобы она бежала вместе с ним? Снова и снова он обвинял себя, в то время как горячие слезы струились по его щекам, падая на бороду. С радостью, ах, с какой радостью он поменялся бы с ней местами! И, действительно, ему было бы намного легче пострадать самому, нежели думать о том, через что ей, вероятно, придется пройти. У него мороз пробежал по коже. Немногие выходили из тюрем живыми - если только не бежали или не отрекались от веры.

При этой мысли Пирсом застонал: «О, Господи, дай ей мужество. Не позволь ей отречься от веры. И избавь ее от страданий, если это не против Твоей воли». Он замолчал от душевной боли. «Господи, верни ее мне», - упрашивал он. Но, даже молясь об этом, он осознавал, что многие другие так никогда и не вернулись к своим родным. И, как бы тяжело это ни было, он знал, что свою молитву должен был закончить: «Господи, да будет воля Твоя».

Не обращая внимания на время и на то, что уже наступила ночь, Пирсом сидел и молился. Он, наконец, смирился с тем, что Бог, будучи суверенным, позволил случиться тому, что случилось. Он должен уповать на него, что бы ни ожидало их в будущем, хотя он и не мог понять, почему Бог допустил такие ужасные вещи в их жизни. Он доверит Клаудину Господу, который любит ее так же, как и он. Бог был в силах позаботиться о ее нуждах даже сейчас, когда сам он был бессилен что-либо сделать для нее.

Затем он вспомнил о детях. Маргарита, Питер, Николас - где они? Поскольку была уже ночь, может быть можно попробовать выйти из леса. Он должен был с кем-нибудь поговорить и выяснить, куда инквизиторы повезли Клаудину. Ему также необходимо было попытаться найти Детей. Он мог себе представить, как они были несчастны.

На небе ярко светили звезды, когда Пирсом осторожно вышел из-под укрытия леса. Он надеялся, что в это время суток улицы будут пустыми. Но, несмотря на это, он все же выбрал окольный путь, стараясь не подходить близко к своему дому. Пирсом решил пойти домой к тому человеку, который предупредил его об аресте.

Быстро и тихо скользил он по лабиринту безлюдных переулков. Вскоре он уже стучал в заднюю дверь дома своего друга. Везде было темно, но через несколько минут он услышал внутри какое-то движение. Затем дверь отворилась. Узнав Пирсома, советник схватил его за плечо и затащил во внутрь, заперев за ним дверь. Прежде чем зажечь лампу, он на ощупь проверил все окна в комнате, убеждаясь, что они были завешены. После этого он вернулся к Пирсому и пригласил его сесть за стол вместе с ним.

Дрожащим голосом, запинаясь, первым заговорил советник:

— Мне очень жаль, Пирсом. Думаю, ты уже знаешь, что инквизиторы арестовали твою жену.

Пирсом попытался ответить, подавляя подступивший к горлу комок. Он был уверен, что его чувства были под контролем, но говорить о том, что произошло, оказалось нелегко.

— Да, я был в лесу, ожидая ее. Она сказала мне, чтобы я шел, и что сама вскоре ко мне присоединится. Но когда она не пришла, мои опасения стали расти, и тогда я, вернувшись, подобрался к окраине леса и увидел, как они увозили ее.

Пирсом замолчал, не в силах продолжать дальше.

Советник прокашлялся, не зная, что сказать.

— Мне следовало бы прийти раньше, - сказал он.

— Куда ее повезли? - тихо спросил Пирсом.

— В Айпрес. Они, похоже, посчитали, что будет небезопасно оставлять ее здесь, так как город не окружен стеной, и если ей удастся бежать из тюрьмы, найти ее будет трудно. Кроме того, я думаю, они с недоверием отнеслись к толпе, собравшейся в вашем дворе. Люди были разгневаны на вашего соседа. Да у меня самого к нему отвращение! Твоя жена уже, было, направилась в сторону леса, когда ваш сосед, живущий на противоположной стороне улицы, указал на нее судебному приставу. Если бы он ее не выдал, она, наверное, была бы сейчас с тобой.

Толпа была зла на него, называя его Иудой и предателем. Как только они с твоей женой уехали, люди прогнали его из города и больше его здесь уже никто не ждет. И поделом ему!

Он ударил кулаком по столу, подчеркивая свое отвращение к предателю.

Пирсом сидел, качая головой.

— Им не следовало этого делать. Он, наверное, сейчас раскаивается в том, что выдал ее, и, кроме того, теперь он изгнан из своего дома. Господь говорит: «Мне отмщение, Я

воздам». Было бы лучше оставить все в Божьих руках.

Советник сидел, глядя на Пирсома, явно удивленный.

— Как ты можешь так говорить? Ты что, неправильно меня понял? Из-за этого человека твоя жена сейчас находится в тюрьме.

— Я понимаю. Но, друг мой, Божье Слово заповедует мне любить моих врагов.

Советник снова лишь покачал головой.

— Я вас совсем не понимаю. Если бы такое случилось с моей женой, я бы не воспринял это с такой легкостью.

— Я очень люблю свою жену, и я не могу выразить словами то, какие мучения я испытываю от того, что она страдает. - Выражение боли на лице Пирсома подтверждало истинность его слов. - Но по благодати Божьей, я буду любить своих врагов и прощать их, а также делать им добро, если мне представится такая возможность.

— И при всем этом они еще преследуют вас. Это несправедливо.

— В день Великого Суда справедливость восторжествует.

— Да, я знаю, - согласился советник.

— А где мои дети? - спросил Пирсом.

— Их забрала молодая пара, живущая с вами по соседству. Я уверен, что там о них позаботятся должным образом.

— Как ты думаешь, не опасно ли сейчас пойти и повидаться с детьми? Я представляю, как они расстроены.

— В этот час, наверное, не опасно, - ответил советник. Поднявшись, Пирсом поблагодарил друга за его смелость и попрощался с ним. После этого он исчез в темноте ночи. Советник пообещал Пирсому сохранить его домашнее имущество, так что ему самому не нужно было заходить домой. Сначала он должен увидеться с детьми, а что будет потом - он уже твердо решил.

Под покровом ночи он отправится в Айпрес. Сон к нему все равно не придет, а думать и молиться он мог с таким же успехом и в пути

Глава 8

Ян плакал. Клаудина поднялась и села, изумленно моргая. Где она? Почему она чувствует себя такой разбитой и угнетенной? Когда события прошлой ночи восстановились в ее памяти, настроение ее резко упало. Она - в тюрьме. В ту же минуту, схватив иступленно кричавшего Яна, Клаудина принялась его кормить. Судя по слабому свету за окном, на дворе было раннее утро.

Теперь, когда Ян успокоился, у Клаудины было достаточно времени обдумать свое положение. Ее сонливости, как и не бывало. Пришло время испытания. Она вдруг почувствовала поднявшуюся внутри волну паники. Была ли она готова встретить это испытание? Ее разум, казалось, пытался найти какой-то выход из этого ужасного положения и вернуться к той нормальной жизни, которой она наслаждалась только вчера! Действительно ли еще вчера она была свободной? Казалось, что это было так давно.

Как это бывало и раньше, сейчас в ней стало расти желание излить свое сердце Пирсому. Он всегда был рядом, когда она в нем нуждалась, а сейчас его с ней не было! Только теперь Клаудина осознала, насколько она всегда от него зависела. Она чувствовала себя такой одинокой и неспособной лицом к лицу встретить грозное будущее, вставшее перед ней подобно огромной горе.

При мысли о Пирсоме и детях из глаз Клаудины снова хлынули слезы. Перестанет ли она когда-нибудь плакать? Она долго плакала прошлой ночью, прежде чем уснуть, и вот новый приступ рыданий овладел ею. Она должна была заставить себя успокоиться, прежде чем проснутся ее соседи по камере и опять застанут ее плачущей.

Была только одна Личность, к которой она могла обратиться за помощью. Клаудина, склонив голову, тихо, всем сердцем и умом, молила Бога о силе, спокойствии и мужестве. Господь был в состоянии помочь ей больше, чем Пирсом. Она также просила Небесного Отца послать ей мудрость как отвечать своим обвинителям. Когда она молилась за Пирсома, Маргариту, Питера и Николаса, слезы непроизвольно катились по ее щекам. Удалось ли Пирсому бежать? Как дела у детей? Через какие страдания они проходят? Долго ли они плакали прошлой ночью? И где они были? Вернулся ли к ним Пирсом?

Она чувствовала себя беспомощной и безнадежно заточенной. Она сидела здесь, не имея возможности пойти к своим детям, которые так в ней нуждались. Как же они смогут без нее обходиться? Кто-то, конечно, проследит за тем, чтобы они были одеты и накормлены, но кто сможет утешить их кровоточащие сердечки? Кто будет рассказывать им о их Небесном Отце? Временами она испытывала благоговейный трепет при мысли, что дети целиком и полностью доверяли ей и Пирсому, а теперь уверенность в собственной безопасности была разрушена. Теперь они страдали, и она была не в силах что-либо для них сделать. Пирсом тоже был в отчаянии и, она это знала, он был достаточно зрелым для того, чтобы позаботиться о себе.

Но нет, она не была беспомощной. Она могла молиться, и, попросив Господа позаботиться о нуждах ее детей, Клаудина почувствовала большое облегчение. В конце концов, это были Божьи дети, которых он вручил ее заботе. Теперь Господь позволил, чтобы ее у них забрали, но Он будет продолжать заботиться о тех, кто принадлежит Ему. Бог был достаточно велик для того, чтобы она могла доверить Ему своих драгоценных детей. И сейчас они были еще более дороги ей, чем когда-либо.

В молитве она обрела новую крепость и мужество. Она твердо решила попытаться вспомнить данные Богом в Библии обетования, которые придали бы ей силы. Ей необходимо было на что-то опереться. В глубине души она знала, что впереди ее ждут нелегкие испытания. Сейчас Клаудина была рада тому, что запоминание мест из Писания всегда давались ей легко. Теперь, когда у нее не было Библии, она нуждалась в тех обетованиях, которые были сокрыты в ее сердце. Первым на память пришел псалом, который она любила петь. Она тихонько вспомнила знакомый мотив: «Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться?». Какое чудесное обетование! Ее страх и опасения рассеивались, по мере того как она вдумывалась в его слова, вдруг ставшие для нее такими драгоценными.

Она взглянула на Яна. Он снова крепко, мирно спал на руках матери. «У тебя, малыш, нет никаких забот. Ты не имеешь ни малейшего представления о том, где находишься, да тебе это и безразлично, до тех пор пока рядом с тобой мама», - думала она. Когда она прижала его к себе, она снова почувствовала пронзительную боль. Она разрушила то чувство безопасности и то доверие, которые остальные дети также испытывали к ней. Но нет, это была не ее вина. Она не должна обвинять себя в этом.

Воспоминания о недавних событиях снова вызвали слезы в ее воспаленных, опухших глазах. Не так давно Николас упал и рассек себе колено. Он пришел к ней, ожидая, что она все поправит, и был очень озадачен, когда она не смогла этого сделать. Размышляя об этом, Клаудина была глубоко тронута мыслью о том, что она является чадом Бога, Которому не были присущи никакие человеческие ограничения. Он никогда не подведет и не разочарует ее. Она доверит Ему и свое неопределенное будущее, и будущее своих детей.

Оторвав взгляд от своего спящего сына, Клаудина осмотрелась вокруг. Прошлой ночью, когда ее втолкнули в эту камеру, было слишком темно для того, чтобы что-нибудь разглядеть. Но сейчас раннее утреннее солнце, проникавшее через находившееся высоко под потолком окно, начинало постепенно освещать помещение. По всей вероятности, она находилась в камере, глубоко под землей. Из-за толстых каменных стен солнечный свет едва проникал в сырое помещение. Она изучала решетчатое окно, находившееся высоко над ней, размышляя о том, есть ли хоть какая-то возможность побега. Нет, похоже на то, что из-за расположения окна и защищавших его решеток выбраться отсюда невозможно.

Отведя взгляд от окна, Клаудина еще раз осмотрелась вокруг. Твердый земляной пол был влажным и липким. Длинная просторная камера позволяла заключенным свободно передвигаться по ней. В одном углу стояло ведро с водой. Клаудина рассеяно думала о том, сколько времени ей придется провести в этом ужасном сыром месте.

Но, по крайней мере, она здесь была не одна. Клаудина обратила внимание на своих собратьев-узников. Теперь, когда в камере было светлее, она с удивлением увидела, как много их здесь было. Их было намного больше, чем ей показалось прошлой ночью. Клаудина насчитала восемь мужчин и пять женщин, не считая ее и Яна. Некоторые из них выглядели весьма пожилыми, другие, похоже, были среднего возраста, а несколько человек казались слишком юными для того, чтобы находиться в тюрьме. Она молча посочувствовала им. Пребудут ли они верными?

Она переборола чувство отвращения к их неопрятному внешнему виду и к запаху нечистых тел. Конечно, они были не виновны в этом. Клаудина предположила, что и сама вскоре будет выглядеть так же, как и они, и от нее будет исходить подобный запах. Эта мысль ее расстроила. Неужели она, всегда старавшаяся быть чистой и опрятной, вскоре

станет такой же, как все эти люди?

К этому времени практически все уже проснулись и ходили по камере, потягиваясь и разминая свои занемевшие мышцы. Одна молодая женщина села рядом с Клаудиной и представилась.

— Меня зовут Мэйкен. Глядя на твоего малыша, я вспоминаю двух своих детей, которых у меня забрали перед тем, как привести сюда. - Она говорила задумчиво и печально. - Это самое трудное испытание из всех, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться. Два года назад моего мужа заживо сожгли на костре за его веру.

Клаудина понимала горе этой женщины.

— У меня есть трое детей кроме Яна, и я не знаю, что с ними будет. Я как раз сидела и думала о них, говоря себе, что они также являются и Божиими детьми, и что Он в состоянии обеспечить их всем необходимым. Но в этом ужасном мире их ожидает так много опасностей. - Отчаяние снова грозило овладеть ею.

— Вот это-то меня и волнует, - общее горе объединило сердца двух новых сестер.

— Сколько времени ты уже здесь находишься? - поинтересовалась Клаудина.

— Мне трудно следить за временем, но, думаю, около двух месяцев. Меня уже дважды допрашивали, но еще не пытали. Это так тяжело, когда тебя просто держат здесь день за днем, но, мне кажется, им это также известно. Я постоянно молюсь, чтобы Бог помог мне оставаться Ему верной.

— «...Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире...». Мы не должны забывать об этом, - напоминание Клаудины было адресовано себе самой не меньше, чем Мэйкен.

— Да, это действительно огромная мощная поддержка - помнить Божьи обетования, - ответила Мэйкен.

Они сидели в тишине, и тут Клаудина заметила двух мужчин, которые неподвижно лежали в одном из углов камеры. По их стону, издаваемому время от времени, когда они пытались повернуться, она поняла, что что-то было не в порядке.

— Что с ними? - тихо спросила она.

— Их растягивали на дыбе. Они находятся здесь уже шесть месяцев, и за последние недели они испытали ужасные муки, - допросы и пытки. Тяжело смотреть, как они страдают.

У Клаудины мороз пробежал по коже при виде этих мужчин. Сможет ли она выдержать такие же испытания? Пожилой мужчина подошел к Клаудине, приветствуя ее:

— Ты должно быть, та женщина, которую привезли прошлой ночью. Тебя тоже арестовали за веру?

— Да.

— Будь тверда в вере, сестра. Венец ожидает нас. Как тебя зовут?

Клаудина назвала ему свое имя, имя своего мужа и город, в котором они жили. Она также узнала, что имя этого человека было Гендрик. Всего несколько минут он разговаривал с ней, ободряя ее, и за это короткое время Клаудина поняла, что вера и мужество этого брата послужат ей истинным утешением. Он казался самоотверженным человеком и излучал бодрость и радость.

Когда он отошел и присоединился к группе мужчин в другом конце камеры, Мэйкен сказала вполголоса:

— Он такой самоотверженный, всех ободряет и поддерживает, призывая оставаться верными. Не знаю, что бы мы без него делали. Он так вдохновляет всех нас. Он здесь самый

старший, и мы считаем его нашим руководителем.

И как раз в этот момент Гендрик подтвердил правоту слов Мэйкен:

— А сейчас давайте все соберемся для утренней молитвы. Почему бы нам не вспомнить некоторые места из Писания и не поделиться ими друг с другом? Мы не можем позволить себе забыть Божие Слово. Теперь, когда мы не имеем возможности держать его в руках, мы должны хранить его в наших сердцах.

Чтение на память стихов из Библии вдохновило Клаудину намного больше, чем она могла предполагать. Возможно ли, чтобы здесь, в тюрьме, она могла испытывать такую радость от сознания Божией любви к ней. Внимательно слушая и размышляя над теми обетованиями, которые цитировали другие, Клаудина вспомнила отрывок из Писания, выражавший ее мысли.

«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: «за Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

Глава 9

Звеня ключами, тюремщик отпер тяжелую железную дверь и настежь отворил ее. Низкий коренастый мужчина, пыхтя пробрался в камеру и поставил на пол котелок с жидким супом. Прибыл ужин для заключенных. Он обычно состоял из тарелки водянистого супа и кусочка хлеба для каждого. Это было весьма скудное меню для их голодных желудков.

Клаудина была особенно рада еде. Ее порции должно было хватить и ей, и Яну, а она была очень маленькой. Она уже начала испытывать мучительную тошноту в пустом желудке и терять вес.

Раздав заключенным их порции с едой, тюремщик обратился к Клаудине.

— Мне приказано сообщить вам, что завтра вы предстанете перед священником для допроса.

Клаудина молча кивнула. Она уже не раз думала о том, когда придет ее время. И вот, на следующий день она должна была встретиться лицом к лицу со своими обвинителями и дать им ответ.

Этой ночью, прежде чем уснуть, она долгое время провела в молитве. Она взывала к Богу, чтобы Он оградил ее уста, не позволив сказать ничего такого, что стало бы угрозой для жизни другого верующего. Она также просила Господа дать ей ясность ума, чтобы эти лукавые люди не смогли смутить ее или ввести в заблуждение. Иисус в Священном Писании обещал, что Святой Дух даст ей нужные слова, и она полностью полагалась на это обетование.

Хотя Клаудина и не знала перед кем она предстанет, она все же молилась за этих людей, прося Бога смягчить их сердца, чтобы они приняли истину. И она не могла закончить молитву, не поблагодарив Господа за своих братьев и таких же сестер-заключенных, которые, без сомнения, будут молиться за нее во время допроса.

Следующий день застал Клаудину сидящей перед тремя священниками. Писарь также присоединился к ним, чтобы записывать все, что будет сказано. Клаудина внимательно всматривалась в каждого из своих обвинителей. Когда она увидела их лица, то чуть не упала духом. Устремив на нее пристальные, важные взгляды, они выглядели такими уверенными в себе. Неужели среди них не было ни одного мягкого сердца?

У человека, заговорившего первым, были седые волосы, и он, похоже, был самым старшим из них. Он пристально и серьезно смотрел на Клаудину.

— Вы были крещены повторно?

— Я крестилась одним истинным крещением по исповеданию веры.

— Вы хотите сказать, что крещение младенцев - не истинное крещение?

— Именно так.

— Вы заблуждаетесь. Согласно Писанию, святое крещение младенцев является правильным.

— А где в Писании говорится о крещении младенцев? - вежливо спросила Клаудина.

— Об этом написано во многих местах. Глупая женщина, разве ты ничего не знаешь о Библии? В шестнадцатой главе Первого послания к Коринфянам говорится, что все семейство Стефаново было в Ахаии первым, посвятившим себя на служение святым. И тюремщик крестился со всем своим домом. Также и семейство Лидии. Теперь ты видишь? Смеешь ли ты утверждать, что в этих домах не было младенцев?

— Но младенец не может посвятить себя служению святым, как говорит Писание о доме Стефана. А что касается Филиппийского тюремщика, то там говорится, что он возрадовался со всем своим домом, что уверовал во Христа Иисуса. Может ли младенец возрадоваться в вере? - Вопрос Клаудины был задан просто и вежливо.

Получив такой вопрос, священники явно встревожились и стали тихо совещаться между собой. Затем один из них спросил:

— Так что, ваши дети не были крещены? - Нет.

— Полагаю, в таком случае имен у них, видимо, тоже нет! В ответ на эту шутку священники громко расхохотались.

— Имена им должны даваться во время крещения, - продолжал он, доказывая правоту своих слов.

Клаудина ничего не ответила. Она должна была вести себя в духе кротости.

Поскольку священникам больше уже нечего было сказать на этот счет, они быстро перевели разговор на другую тему:

— Когда вы последний раз были на причастии?

— Я точно не помню. Наверное, лет десять назад.

— Расскажите нам, какую позицию вы занимаете в этом вопросе. Почему вы не вкушали часть тела Христова?

— Я не разделяю учения о том, что это тело Христа. В Писании говорится, что Иисус преломил хлеб и дал его Своим ученикам. Он не давал им кусочки своей плоти. Он сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». Хлеб был лишь символом Его тела, преломленного в распятии для искупления грешного человека. - Клаудина говорила ясным и твердым голосом.

— О, глупая женщина, ты ничего не понимаешь. С чего бы это какой-то простой женщине вроде тебя пытаться учить нас тому, что говорит Писание? Там ясно говорится: «Сие есть Тело Мое», - закричал седой священник.

В сравнении с его голосом, голос Клаудины был удивительно спокойным:

— Но было ли это тело? Писание говорит, что это был преломленный хлеб.

Один из священников, до сих пор мало говоривший, сказал:

— Но он стал Его телом и сделал учеников Иисуса святыми. - Без всякой паузы он затем перешел на другую тему: - Каковы ваши убеждения относительно святых? Молитесь ли вы им регулярно? - Подперев подбородок рукой, он уставился на нее немигающим взглядом.

— В Писании говорится, что Христос - мой единственный посредник.

— Это - ересь, и если вы не отвратитесь от своих упрямых путей, вам придется умереть страшной смертью.

— Если так будет угодно Богу, я готова пострадать, - Клаудина отвечала, сохраняя спокойствие.

— Вы хотите сказать, что не боитесь смерти? Не забывайте, что вам еще никогда не приходилось с ней сталкиваться.

Клаудина удивлялась тому, каким замечательным образом Господь давал ей ответы. Хотя, не обещал ли Он, что так и будет? Христос говорит: «Кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек». Богач, не проявивший никакой милости к Лазарю, однажды вкусил смерть, и будет вкушать ее вечно.

Снова заговорил самый старый священник. Его тон был на удивление мягким и доброжелательным:

— Неужели вам не хочется снова вернуться к своему мужу и детям? Подумайте, как им, должно быть, вас не достает. Как же они будут без вас жить? Трудно представить, какое несчастье может приключиться с вашими детьми, если вы решите вот так пренебречь ими. - Внезапно он встал и поднес к лицу Клаудины распятие. - Просто поцелуйте это, своего господа и бога, и будете свободны. Это ведь так просто.

Клаудина отвернула голову от распятия, отодвинув его от себя рукой.

— Это не есть мой Господь и Бог. Это всего лишь деревянный идол, и ничего больше. Заберите его от меня.

— Какое богохульство! Неужели вы не боитесь суда Божиего? - Он покачал головой. - И еще один вопрос: кто вас крестил?

— Этого я не скажу, - ответ Клаудины был твердым.

— Мы можем прибегнуть к методам, которые заставят вас это сказать, - последовало грозное предупреждение.

— Господь заградит мне уста, ибо вы воспользуетесь этим только для того, чтобы причинить вред другим невинным людям.

— Какая же ты наглая и глупая! Мы отправим тебя обратно в камеру, чтобы ты хорошо все обдумала. Возможно, если ты посидишь в тюрьме подольше, то решишь принять истинную веру, чтобы снова стать свободной. Видишь ли, у нас есть способы помочь людям изменить их точку зрения. В следующий раз тебе, возможно, придется познакомиться с дыбой или другими способами, которые станут для тебя более вескими доводами, - священник на мгновение замолчал, многозначительно кивнув, - если и впредь будешь столь упряма.

Клаудина набралась смелости и обратилась к священникам с просьбой:

— Могла бы я попросить, чтобы моему ребенку тоже приносили еду? Он не способен причинить зло, даже если вы считаете, что я в чем-то виновата, и он плачет от голода.

Человек с русой бородой ответил:

— Это ваша проблема, сударыня. И вы знаете, как ее можно решить.

После этого ее отпустили и отвели обратно в камеру к сыну, которого она оставила с Мэйкен.

На сердце у Клаудины было тяжело. Все казалось таким безнадежным. Она думала, что если будет говорить истину прямо из Писания, то священники, конечно, не смогут ее оспаривать. Но ведь эти люди, похоже, крепко держались своих традиций, и ничто не изменило их убеждений. Это расстроило Клаудину. Она ничего не могла сделать, кроме как молиться, ибо один Господь мог тронуть их каменные сердца. Будет грустно, когда в день Великого Суда они предстанут перед Богом, и на их руках будет столько невинно пролитой крови. Размышляя об этом, Клаудина твердо решила, что даже если ее решат сжечь, лучше гореть несколько минут на костре, нежели гореть вечно в ужасном адском огне.

Глава 10

Один за другим проходили в монотонной последовательности дни. Постепенно они перерастали в недели, а недели - в месяцы. Некоторые дни были ясными, и Клаудина была исполнена мужества и оптимизма, а иногда наступали дни весьма темные.

Временами она с трудом переносила тяжесть бремени, лежавшего у нее на сердце. Ах, если бы она могла прильнуть к плечу Пирсома и разделить с ним свое горе! Как же ей его не доставало! Она часто рисовала в своем воображении Пирсома, высокого, широкоплечего, темноволосого. Она пыталась вспомнить его карие глаза, те самые глаза, которые так часто говорили ей о важных вещах. Где он сейчас? Как его дела? Как он несет свое бремя? Ему, должно быть, тяжело от того, что она в тюрьме. Много молитв о нем вознеслось к Богу из влажной подземной камеры.

А ее дети - о, как ей хотелось снова их увидеть и, утешив, заключить в свои объятия. Борясь с одиночеством, она представляла себе чудесную встречу с Пирсомом и детьми. Погрузившись в мечтания, она практически забывала, где находится. Это было подобно раю на земле! Но нет, это слишком жестоко. В итоге такие мысли вызывали у Клаудины только новый поток слез - что, если исполнение мечты невозможно? И она решительно отогнала их от себя. Она молила своего Небесного Отца, чтобы Он дал ей силы нести выпавшее ей бремя.

Затем Клаудина вспомнила свою любознательную Маргариту с ее ясными глазами. Она представляла, как ее дочь еще по-детски, но в то же время и по-матерински присматривала за братьями. Она была такой хорошей помощницей. Но кто же теперь рассеет страхи самой Маргариты? И Питер, пятилетний мальчик, у которого всегда было столько вопросов - кто теперь отвечал на его вопросы? Николасу скоро должно исполниться три года. Казалось, в это трудно было поверить. Действительно ли в его детстве ее не будет рядом с ним? Он был еще таким маленьким. Как, впрочем, и все они. И вспомнит ли Николас ее вообще? Клаудине было тяжело думать о том, как страдали без нее дети. Но она не могла вынести и той мысли, что, возможно, они ее забывали.

Когда тоска в материнском сердце Клаудины стала почти невыносимой, она повернулась к Яну и излила свои чувства на него. С другими своими детьми она никогда не проводила столько времени. Но здесь она была свободна от каких-либо домашних обязанностей, и рядом не было других детей, которые требовали бы ее внимания. А Ян был таким ярким лучиком света в этой ужасной сырой камере.

Тюремщик теперь и ему приносил еду, так что он больше не плакал от голода. Несмотря на то что кормление Яна усиливало муки Клаудины, она все же предпочла переносить голод самой и видеть своего малыша сытым. Она с трепетом наблюдала за тем, как он учится сидеть и самостоятельно передвигаться. По ее подсчетам Яну было уже около шести месяцев. Казалось невероятным, что ребенок мог нормально развиваться в тюремной камере. И хотя на нем были одни лохмотья, она была рада и этому. По крайней мере, ребенок был одет, и она могла содержать его в чистоте.

Но по мере того, как утомительной чередой проходили дни и ничего не менялось, над Клаудиной зловещим облаком нависло отчаяние. Все те же четыре стены держали ее, беспомощную и лишенную надежды, в этой западне. Длительное время - никаких занятий, лишь размышления. Часы, проведенные в раздумьях о том, как чудесно было бы быть на свободе. Мысли о тех дорогих членах ее семьи, которые находились где-то за пределами

этой тюрьмы и нуждались в ней. Размышления о том, как легко было бы отречься от веры. Раздумья о тех тяжелых страданиях, через которые ей, вероятно, еще придется пройти. Мысли, размышления, раздумья...

Но Клаудина была достаточно мудрой, чтобы понять, что самое большое желание дьявола - это повергнуть ее в отчаяние. Поэтому, когда мысли ее стали, как цепи, сковывающие ее волю, и уже грозили низвергнуть ее в пропасть отчаяния, она обратилась к молитве и песне - и дьявол отступил. Пение стало для нее потребностью и иногда Клаудина пела часами до тех пор, пока не ослабевал и становился хриплым ее голос. Но главное, что оно стало источником ободрения и для сокамерников. Временами кто-нибудь, боровшийся с одиночеством, просил ее спеть. А иногда они пели все вместе.

Что бы она делала без своих братьев и сестер-узников? Не сдалась бы она? Но никогда не бывало такого, чтобы все они были поглощены унынием одновременно! Всегда находился кто-то, кто мог поддержать своего товарища, сказав ему слова ободрения. Клаудина и Мэйкен стали лучшими подругами. Их объединяло одно горе, и молодые матери хорошо понимали друг друга. Словно на крыльях пролетали часы, когда они сидели и беседовали, делясь друг с другом воспоминаниями и сегодняшними надеждами и опасениями.

Еще одной сестрой, с которой Клаудина часто общалась, была Анна. Ее беспокоила эта молодая девушка, выглядевшая такой встревоженной и напуганной. Она пыталась помочь ей приблизиться к Богу, но у бедной девушки, казалось, постоянно были борения.

Наступил день, когда Анну и еще двух молодых юношей вывели из камеры для допроса. Клаудина с тревогой наблюдала за тем, как их уводили. Напряжение и беспокойство чувствовалось среди заключенных, пока они в молитвенной тишине ожидали их возвращения. Что с ними происходит? Пребудут ли они верными?

Клаудина особенно переживала за Анну. Она вспомнила свой разговор с девушкой, состоявшийся несколько дней назад.

— Не думаю, что я смогла бы вынести погребение заживо, как они это часто делают с женщинами, которых приговаривают к смерти. Одна только мысль о том, что тебя зароют так глубоко, что нечем будет дышать, вызывает у меня панику. И я не знаю, что бы я делала, если бы меня били кнутом или растягивали на дыбе. - Дрожащим голосом и со слезами на глазах Анна излила Клаудине свои опасения и страх.

— Но послушай, Анна, - ободряла и увещевала ее Клаудина, - ты не должна заострять на этом свое внимание. Господь даст тебе благодать вынести все это, если ты Его об этом попросишь. Ты ведь знаешь, Писание говорит о том, что ничто не может отлучить нас от любви Христовой.

— Да, я знаю. Мне бы так хотелось перестать беспокоиться об этом, но страх сильнее меня. Я еще думаю и о Германе. Наверное, я никогда не смогу выбраться отсюда и выйти за него замуж, как мы планировали. Я не могу даже думать о том, что если меня казнят, он, наверное, полюбит другую девушку и женится на ней. - От этой ужасной мысли Анна снова расплакалась.

— Божье Слово говорит: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может .быть Моим учеником». Думаю, это относится в равной мере как к настоящим мужьям, так и к будущим, - мягко напомнила ей Клаудина.

— Я знаю, - вздохнула сквозь слезы Анна.

И теперь, зная борения молодой девушки, Клаудина напряженно, в молитвенном

молчании ждала ее возвращения. Когда одного молодого человека, взятого на допрос, привели обратно в камеру, с окровавленной спиной и едва ли способного идти, сердца заключенных замерли в страхе.

В то время как Гендрик обмывал его окровавленную спину водой из стоявшего в углу ведра, остальные с тревогой слушали его рассказ:

— Те двое под пытками отреклись от веры.

Новая тяжесть легла на сердце Клаудины. Это была и боль за Анну, и собственный страх. Что, если под пытками она сделает то же самое? Ей ведь еще не приходилось с ними сталкиваться. Она думала, что не сдалась бы, но этот ноющий страх все же смущал ее сердце. Что если...? «О, Господь, пожалуйста, прошу Тебя, дай мне благодать оставаться верной, даже под пытками», - искренне молилась она.

Следующие дни были для заключенных мрачными. Двое из тех, кто делил с ними одну тюремную камеру, покинули их, чтобы снова иметь свободу в мире. Дьявол нашептывал им, что они могут сделать то же самое. Тот самый поступок, который они не хотели совершить, выглядел таким соблазнительным, и они боялись, что могут поддаться искушению.

Гендрик, как обычно, был огромной помощью для Клаудины и ее товарищей-узников. Однажды, в те минуты, когда многие из них в одиночку сражались с чувством одиночества, страхом и отчаянием, он созвал их вместе.

— Итак, братья и сестры, мы не можем позволить дьяволу привести нас к поражению. Кто может предложить песню для общего пения?

Следующие несколько часов пролетели быстро, так как борющиеся христиане находили утешение в пении и молитве. И снова звучал любимый псалом Клаудины:

Господь - свет мой и спасение мое;
Кого мне бояться?
Господь - крепость жизни моей;
Кого мне страшиться?
Если будут наступать на меня злодеи,
Противники и враги мои,
Чтобы пожрать плоть мою,
То они сами преткнутся и упадут.
Если ополчится против меня полк,
Не убоится сердце мое;
Если восстанет на меня война,
И тогда буду надеяться.
Одного просил я у Господа,
Того только, чтобы пребывать мне,
В доме Господнем во все дни жизни моей,
Созерцать красоту Господню
И посещать Храм Его.

Клаудина раньше часто пела этот псалом, но здесь, в тюрьме, он обрел для нее новое значение. Когда голоса узников были уже утомлены пением, каждый из них по очереди стал цитировать обетования, записанные в слове Божьем. Клаудина всегда особенно наслаждалась этими часами общения. Братья и сестры всегда вспоминали и цитировали те отрывки из Писания, которые не приходили ей на память. Это очень подкрепляло и ободряло ее.

Когда подошла ее очередь, она с благоговением повторила то обетование, которое помнила ясно и четко. «Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи». Как это было чудесно - знать, что Иисус, Который Сам умер смертью мученика, вполне понимал ее борения. Он даст ей силу, необходимую для того, чтобы пребыть верной. Она придет к Нему без всякой робости.

Глава 11

Сильные руки Пирсома были заняты мешком, который он наполнял только что перемолотой мукой, но мысли его были заняты совершенно иным. Уже несколько месяцев он находился здесь, в Айпресе, и за это время успел хорошо ознакомиться со своими обязанностями и требованиями хозяина. Он был рад, что нашел работу у мельника, который состарился и нуждался в сильном, здоровом помощнике. Мельник и его жена оказались весьма любезными и даже согласились кормить его и предоставлять ночлег в качестве частичной оплаты.

Это было очень красивое место, расположенное в предместьях Айпреса, откуда была видна городская стена. Пирсом хотел находиться здесь, в Айпресе, чтобы быть поближе к Клаудине. То, что рядом была городская стена, придавало ему определенное чувство безопасности. Небольшая река, протекавшая возле мельницы и дальше под стеной, обеспечивала Пирсому возможность побега в случае, если возникнет такая необходимость.

Проблема, занимающая сегодня мысли Пирсома, была не новой. С тех пор как он обосновался в Айперсе, в течение многих недель его разум пытался найти ответ на один вопрос. Как он может дать о себе знать Клаудине? Любая оплошность с его стороны могла стать западней для него самого. Но он должен был каким-то образом передать ей сообщение.

Беседа, состоявшаяся в полдень, усилила желание Пирсома связаться с Клаудиной. Утром жена мельника была на рынке и по дороге проходила мимо тюрьмы. За обедом она рассказала об этом мужу и Пирсому.

— Я заметила группу людей, собравшихся около тюрьмы. Они стояли у стены под окном. Я подумала, интересно, что они там делают, и уже собралась было пройти мимо, как вдруг услышала пение женщины. Я тоже остановилась, прислушавшись, и поняла, что голос исходил из стен тюрьмы. Я едва ли смогла поверить этому. Я никогда раньше не слышала такого прекрасного пения, тем более в стенах тюрьмы. Когда я спросила об этом собравшихся, кто-то из них сказал, что там сидит женщина-анабаптистка.

Пирсом сидел неподвижно с ложкой, застывшей в воздухе. Он изо всех сил старался казаться равнодушным к тому, что говорила жена мельника. Могла ли его возлюбленная Клаудина быть этой одаренной певицей?

— Люди говорят, что с ней там младенец, и это с трудом укладывается у меня в голове.

Резкий вздох Пирсома остался незамеченным, так как жена мельника продолжала говорить:

— Она, должно быть, слабоумна! Какая женщина, будучи в здравом уме, оставит свою семью и отправится в тюрьму из-за какой-то религии? Почему женщина проявляет такое упорство и отказывается подчиниться государственной церкви - это выше моего понимания. Она, наверное, лишилась рассудка. Как жаль это невинное дитя! - Жена мельника была явно озадачена.

Прикусив губу, Пирсом рассеяно мешал еду в своей тарелке. Конечно же, это была Клаудина. Его распирало от желания защитить ее, и в то же время он боялся что-либо сказать. Что с ним будет дальше, если он сейчас выдаст себя? Его совсем не прельщала мысль о том, что снова придется спасаться бегством. Наверное, будет лучше сохранять молчание ради того, чтобы находиться рядом с Клаудиной.

Немного подумав, он, как ни в чем не бывало, спросил:

— Вы видели эту женщину через окно?

— Нет. Мне показалось, что она находилась в глубокой подземной камере, потому что окно было на уровне земли, а пение, похоже, исходило откуда-то снизу.

— А какое это было окно? Может быть, я сам смог бы услышать, как она поет.

Ну вот вопрос был задан. Достаточно ли безобидно он прозвучал?

— О, дайте-ка подумать. Я точно не помню; эта тюрьма такая большая. Кажется, ближе к дальнему концу, к тому, что выходит к рынку.

Теперь, в то время как Пирсом выполнял свою работу, в его голове созревал план. Этим вечером он отправится к тюрьме и попробует выяснить, где именно находится его жена. Когда он это узнает, то, может быть, придумает, как передать ей письмо. Возможно, он сможет бросить его в то окно, о котором говорила жена мельника. Но делать это он немного повременит, до тех пор, пока не убедится в том, что это его жена, и не будет знать точно, где она находится.

Глава 12

Ян только что проснулся от долгого, здорового сна, и теперь был полон радости и энергии. Усадив его к себе на колени, Клаудина начала тихонько разговаривать с ним, как она это часто делала.

«После сна ты чувствуешь себя намного лучше, не правда ли, мой маленький ягненок?» Ее улыбка была вознаграждена ответной улыбкой сына. Она крепко прижала его к себе, а затем, протестующего и извивающегося, снова усадила на колени.

«Ты такой милый. Ты напоминаешь мне твоего отца, когда улыбаешься». Выражение боли исказило ее лицо, когда приступ тоски по Пирсому снова овладел ею Приложив усилие, она отогнала от себя эту мысль и снова занялась Яном.

«Уже совсем скоро нам принесут ужин. Ты тоже проголодался?» Она разговаривала и играла с ним, а он отвечал ей счастливыми улыбками и детским лепетом, который она так любила слушать «Давай-ка споем.. - она вдруг замолкла на полуслове, привлеченная звуком, доносившимся сверху с улицы. Напрягая слух, она повернулась к окну. Бешеное биение ее сердца грозило заглушить этот звук. Возможно ли, чтобы этот такой знакомый свист был свистом ее мужа? Быть может, он пытается выяснить, где она находится? Теперь свист стал более отчетливым. Внезапно он сменился пением. Да! В том, что это был Пирсом, не было никаких сомнений.

Клаудина буквально взорвалась пением, и голос ее дрожал от переполнявших ее чувств Она запела первую пришедшую ей на память песню, ту самую, которая так часто придавала ей мужество:

Господь - свет мой и спасение мое:

Кого мне бояться?

Господь - крепость жизни моей:

Кого мне страшиться?

Заключенные братья и сестры с любопытством смотрели на нее. Что это нашло на Клаудину, что ее вдруг так переполнили чувства, и она начала громко петь, ведь всего несколько минут назад она тихонько играла с Яном?

Тихим, дрожащим голосом она ответила на их вопросительные взгляды:

— Это мой муж свистел и пел за окном. Я в этом уверена. Должно быть, его тогда так и не поймали!

Этой ночью Клаудине долго не спалось. В голове у нее одна за другой проносились мысли, вопросы и ответы Звучание знакомого голоса Пирсома превратило тлеющий уголек острой боли одиночества и тоски по мужу в пламя костра. Ах, как чудесно было бы снова увидеть его, поговорить с ним, отдаться его заботе и пребывать в безопасности его предводительства! Как она могла раньше принимать его, как должное? Слезы ручьями заструились по ее щекам, и она быстро их смахивала, но вскоре появлялись новые. Казалось, прошло так много времени с тех пор, как они с Пирсомом жили нормальной семейной жизнью.

Она размышляла о том, чем мог заниматься Пирсом Жил он здесь, в городе или пришел только для того, чтобы отыскать ее? Были ли рядом с ним дети? По крайней мере, он был на свободе. Она была благодарна Господу за это.

Ее разум метался в поисках способа передать Пирсому письмо. Но как она ни старалась,

она не могла решить эту задачу. Ведь у нее даже не было чернил и бумаги.

Закутавшись получше в свои скудные одежды и прижав к себе поближе Яна, чтобы было теплее, Клаудина твердо решила перестать думать об одном и том же и попыталась заснуть. Обратившись мыслями к небу и предав свои заботы попечительству Небесного Отца, она, наконец, уснула.

Глава 13

Клаудина сидела задумавшись в тусклом свете восходящего солнца. Она проснулась рано, и ее мысли снова были заняты событиями прошлого вечера. На руках она держала спящего Яна, крепко прижав его к себе. Ей хотелось, чтобы ему было тепло. Она потеряла счет времени, но уже чувствовала в воздухе прохладу приближавшейся зимы.

И снова она была поймана врасплох, когда ее мысли прервал тот же свист, доносившийся сверху с улицы. Какое-то мгновение она сидела неподвижно, напрягая слух. Затем, испытывая нетерпение, она быстро положила Яна на пол и побежала к стене, чтобы взглянуть на находившееся вверху решетчатое окно. Но толстые стены не позволяли ей увидеть даже тени того, кого она любила. Клаудина, конечно, прекрасно знала, что эти стены были такими толстыми и высокими, что она не могла видеть улицы. Но ее возбуждение и желание увидеть были столь велики, что °на не могла удержаться от того, чтобы не подойти как можно ближе к окну.

Как раз в тот момент, когда пение уже слышалось на уровне окна, Клаудина увидела, как что-то белое пролетело по воздуху и приземлилось у ее ног. Вскрикнув от восторга и неожиданности, она схватила этот лист бумаги и поспешила обратно к Яну. Мэйкен, которая только что проснулась, в изумлении смотрела на нее.

— Это письмо от моего мужа! - дрожащим голосом прошептала Клаудина, разворачивая длинное письмо руками, которые' тоже дрожали. Из него выпали гусиное перо и маленькая глиняная бутылочка с чернилами. Затаив дыхание, Клаудина с удивлением глядела на них. - Посмотри! Он прислал и это, чтобы я могла ответить! - воскликнула она.

Желая помочь, Мэйкен взяла на руки Яна, изо всех сил пытавшегося завладеть письмом. Не слишком-то часто он находил что-нибудь интересное, с чем можно было бы поиграть. Клаудина подошла поближе к окну и повернула письмо к свету, пытаясь разглядеть буквы. Когда она начала читать, в камере стало тихо. Те, кто уже проснулся, краем уха прислушивались, не раздадутся ли в коридоре звуки шагов.

«Благодать, мир и радость Христа, Иисуса да пребудут с тобой, дорогая жена, Клаудина., в Господе. Я желаю тебе, Клаудина, сильной любви к Богу и сердца, полного радости. Хочу, чтобы ты знала, что я вспоминаю о тебе день и ночь с молитвами и слезами, воздыхая и прося Бога, чтобы Он укрепил тебя. Я постоянно молюсь о том, чтобы Господь хранил тебя, и чтобы ты всегда была мужественной и сильной в вере.

Ах, Клаудина, как же я корю себя за то, что оставил тебя и бежал в лес, зная, что они должны были прийти именно за мной. Я бы с радостью предпочел страдать самому и знать, что ты на свободе. Но я также осознаю, что Бог позволил, чтобы все случилось именно так, согласно Его воле, и понимаю, что не должен мучиться из-за того, что он допустил. В тот день я вернулся к опушке леса, та как тревожился за тебя, и видел, инквизиторы увезли тебя и нашего малыша в телеге. С наступлением темноты я отправился домой к тому человеку, который предупредил нас, и он рассказал мне обо всем случившемся. Он присматривает за нашим домашним имуществом, и пообещал проследить за тем, чтобы забранные книги были возвращены на место. Я чрезвычайно благодарен ему за его доброту.

Ты помнишь ту молодую пару, которая жила с нами по соседству? Они забрали Маргариту, Питера и Николаса к себе домой. Я бы так хотел, чтобы они были со мной, но в настоящее время это просто невозможно. Они очень горюют без тебя, моя дорогая Клаудина,

но молодая женщина прекрасно о них заботится. Ты знаешь, какой доброй она всегда была. Одно печалит меня. Они крестили наших детей. Но хотя это и огорчает меня, я не слишком печалюсь об этом потому, что в Божьих глазах наши маленькие ягнята и теперь такие же невинные, как и прежде.

А теперь, моя возлюбленная, я должен сказать тебе нечто такое, что принесет горе твоему сердцу. Я даже не знаю, как тебе об этом сказать».

У Клаудины от страха сжалось сердце. Что он имел ввиду? Она боялась читать дальше, и все же желание знать все до конца заставило ее продолжить чтение.

«Несколько недель тому назад Питер сильно заболел, и Господь забрал его домой».

Хлынувшие слезы сделали буквы расплывчатыми, и Клаудина не смогла читать дальше. Оперевшись, рукой о холодную каменную стену, она спрятала в ней свое лицо Какое страшное известие! Возможно ли это?

«О, Питер, - думала она. - Я рада, что ты теперь в безопасности вместе с Иисусом, но что же тебе пришлось пережить, прежде чем уйти? Если бы я только могла быть с тобой рядом, чтобы утешить тебя». Мысль о том, как ему, должно быть, ее не хватало и как он в ней нуждался, а ее не было рядом, наполнила ее сердце невыносимой болью.

Она почувствовала, как кто-то коснулся ее плеча, и затем Мэйкен мягко спросила:

— Почему ты плачешь?

Вытерев слезы, Клаудина попыталась взять себя в руки:

— Мой маленький Питер отошел на небеса. - Она прикусила губу в тщетной попытке подавить слезы, в то время как Мэйкен старалась ее утешить.

— О, Клаудина, мне так жаль. Но не печалься так сильно. Он больше не тоскует о тебе. И подумай о том, как он теперь счастлив. Ему никогда не придется проходить через те страдания, которые ожидают тебя.

Клаудина улыбнулась сквозь слезы:

— Я знаю. Просто это ужасное потрясение для меня. Я с горечью думаю о том, что я не смогла быть рядом с ним, когда он болел, и когда он умер. Я так много потеряла.

Клаудина умолкла, задумавшись. Вдруг она осознала, что все еще держит недочитанное письмо. Поднеся его к глазам, она стала читать дальше.

«... и Господь забрал его домой, где он теперь в безопасности в месте с Иисусом. Ах, моя дорогая жена, как бы мне хотелось утешить тебя своим присутствием и разделить с тобой горечь потери нашего сына. Мне бы так хотелось смягчить то потрясение, которым, без сомнения, станет для тебя это известие. Но давай не будем печалиться. Он теперь спасен на всегда. Он больше не скучает о нас, и ему не придется столкнуться с теми страданиями, через которые проходишь ты. Если бы он остался жив и повзрослел, возможно, его путь был бы слишком тяжелым, а враг - слишком сильным, и он не устоял бы перед искушением. А теперь мы знаем, что он навеки в безопасности и счастлив с Иисусом».

Клаудина снова на минуту прервалась, все еще пытаясь постичь эту ошеломляющую новость, которая привела ее в страшное замешательство своей совершенной неожиданностью Возможно ли, чтобы Питер действительно покинул их, а она ничего об этом не знала? В каком-то оцепенении она снова вернулась к чтению письма.

«А как поживает наш малыш Ян? Я часто думаю о нем. Хватает ли ему еды? Удается ли тебе держать его в тепле? Я пытаюсь представить себе, как он сейчас выглядит и чему новому уже научился.

Дорогая моя жена, обращайся к Богу за силой и утешением, необходимыми тебе каждый

день. Он в состоянии подкрепить тебя. Чаще думай о том, что говорит Писание. Я знаю, что ты многое помнишь наизусть, ибо Господь благословил тебя хорошей памятью. Божье Слово говорит: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас».

После того, как я написал это письмо, у меня на сердце стало легче, и я молю Бога, чтобы ты получила его в целости и сохранности, и смогла также ответить мне. Я часто задаюсь вопросом о том, как у тебя обстоят дела, и что тебе приходится испытывать, помни, главное - сохранить мужество и веру в Бога. Помни, Христос говорит: «... мир возрадуется; вы печальны будите, но печаль ваша в радость будет».

Поэтому, дорогая Клаудина, не считайся и с мужем, ни с детьми, ни с чем-нибудь другим в этом мире, ибо Христос предупреждает своих последователей: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные - жизнь и мир». Моя ежедневная молитва и желание моего сердца - чтобы ты преуспевала в этом.

Хочу, чтобы ты знала, что я нахожусь не далеко от тебя.

Написано твоим любящи мужем, Пирсомом де Мюлерсом».

Клаудина спрятала письмо в складках своего платья, единственном безопасном месте, и рассеянно потянулась за хныкавшим и просившимся к ней на руки Яном. Каким сокровищем было это письмо! Она не могла даже представить себе, как много может значить для нее письмо, пока не вкусила тюремной жизни. Казалось, что годы прошли с тех пор, как она говорила с Пирсомом. И сейчас она была переполнена желанием говорить с ним Как много ей нужно сказать. Но как?

Необходимо обдумать все, что стало ей известно Питер Ее разум не мог смириться с тем, что его уже нет Ей было тяжело думать о том, что это прекрасное маленькое тельце, которое принадлежало ей, и которое она часто держала на руках, теперь было погребено в темной, холодной земле. Но нет, Питера в этом теле не было. Он был где-то там, на небесах, и наслаждался новой и намного лучшей жизнью. Клаудина попыталась представить его там, но сделать это было трудно, потому что она никогда там не была. Глубокая тоска переполнила ее сердце. Она хотела бы присоединиться к нему. Это было бы так чудесно! Никаких страданий, никаких тяжелых, болезненных расставаний. Все прекрасно, и вокруг царит мир. Это было слишком замечательно и непостижимо для человеческого разума.

Но как же насчет Пирсома, Маргариты, Николаса. Яна? Ее душа разрывалась надвое Она могла только молиться: «Да будет воля Твоя в моей жизни, или же в моей смерти. И благодарю Тебя за то, что Ты забрал Питера домой». Она бы никогда не пожелала его возвращения в этот несчастный и жестокий мир.

Ее мысли обратились к другим местам письма Пирсома. Это было именно то, что ей было нужно в данный момент. Позднее, во время их утреннего молитвенного общения, ее прославление светилось большей радостью, вдохновленное вновь появившимся мужеством, которое она почерпнула в чтении письма Пирсома, полного сердечной любви и ободрения.

Глава 14

Вздрогнув, Клаудина неожиданно проснулась. Что ее разбудило? Она лежала неподвижно, внимательно прислушиваясь и сдерживая дыхание. Она снова слышала наверху, в районе окна, этот резкий скребущий звук.

— Мэйкен, мне кажется, кто-то перепиливает оконные решетки. - Взволнованная Клаудина разбудила свою спящую соседку.

Другие также начали ворочаться. Камеру наполнил возбужденный шепот. Минуты казались им часами, когда они сидели в тревожном ожидании, осознавая, что их смелых освободителей (кем бы они ни были) могут схватить в любой момент. Тихим, но внятным голосом Гендрик спросил:

— Кто там?

— Неважно, кто мы такие. Вам лучше этого не знать. Мы вытащим вас оттуда, если нам это удастся. Нам уже приходилось освобождать других. Как только мы избавимся от этих решеток, мы сбросим вам вниз веревку.

Узникам, находившимся внутри, это казалось больше чудом, чем реальностью.

Но они ведь отсюда еще не выбрались. И заключенные напряженно ждали, молясь и желая сделать хоть что-то для того, чтобы ускорить свое освобождение, но, к сожалению, в данный момент они были беспомощны.

Внезапно возбуждение Клаудины утихло, и сердце ее сжалось. Как же она с ребенком сможет взобраться вверх по веревке?

Как раз в тот момент, когда ей в голову пришла эта мысль, послышался голос одного из мужчин у окна:

— Вот веревка. Хватайтесь за нее и взбирайтесь, упираясь ногами вверх в стену, в то время как мы будем вас тянуть.

Вскоре первый заключенный благополучно выбрался через окно, а следующий уже следовал за ним. Клаудина была в смятении. Они с Мэйкен, разговаривая, стояли в стороне, в то время как остальные по очереди выбирались на свободу.

— Ты не могла бы перевязать его веревкой, чтобы они могли его поднять? - Мэйкен перебирала все возможные варианты.

— Но тогда он может удариться о стену и проснется, а меня нет рядом. Ян начнет плакать и выдаст всех. Ты же знаешь, как он цепляется за меня, особенно, когда только проснется. Он может пораниться, болтаясь на веревке и ударяясь о стену. Если бы стена была не такой ужасно высокой, мы могли бы подбросить его. Но сейчас для этого слишком темно. - Ее голос стих, в то время как разум пытался найти какое-то решение.

Теперь в камере остались только Мэйкен, Клаудина и Гендрик.

— Мэйкен, теперь иди ты, а мы пока подумаем, что делать с ребенком.

Как раз в это время из окна послышался голос:

— Поспешите, у нас мало времени. Скоро будет меняться стража.

— У нас здесь мать с ребенком, и мы не знаем, как поднять его по веревке, - ответил Гендрик.

— Мы скоро должны будем уходить отсюда. Возможно, вам придется оставить ребенка и подниматься, если вы хотите выбраться отсюда. Скорее!

— Я останусь здесь. Мэйкен, передай это письмо Пирсому, - Клаудина вдруг вспомнила

о письме, которое она написала. Теперь она могла отправить его мужу.

Задыхаясь от волнения, со словами «Да пребудет с тобой Господь», подруги расстались, и вскоре Мэйкен, выбравшись через окно, исчезла из виду.

— Это все. Я не оставлю сестру одну, - сказал Гендрик.

— Вы уверены?

— Да, уверен, - голос Гендрика был твердым. Стихли последние шаги, и ночь вновь стала темной и спокойной. Камера казалась непривычно пустой. Клаудина в темноте заговорила:

— Почему вы не ушли? Тем, что вы здесь остались, вы, вне всяких сомнений, подписали себе свой собственный приговор.

— Сестра, если бы я выбрался на свободу, моя совесть мучила бы меня. Мысль о тебе, молодой сестре, которая борется здесь одна, со своим малышом, не давала бы мне покоя. Возможно, ты подверглась бы слишком сильному искушению и сдалась бы. Я не мог уйти. Я чувствовал на себе ответственность. Но это неважно. Я уже стар и слаб, и готов отправиться к своему Небесному Отцу.

Клаудина была кроткой и испытывала благоговение перед бескорыстностью этого брата в Господе. Ей не хватало слов, чтобы выразить свою благодарность:

— Не знаю, как вас благодарить. Да вознаградит вас Бог за вашу доброту.

В темноте она услышала звук шагов Гендрика, перешедшего в дальний конец камеры, где спали мужчины, а сама она пробралась обратно к Яну, спавшему все это время. Она тихонько прилегла, но сна как не бывало. На сердце у нее лежала тяжесть разочарования. Быть так близко к свободе, и все же остаться! О, если бы у них было больше времени подумать! Можег быть, они бы что-нибудь придумали, и сейчас она была бы на пути к радостной встрече с Пирсомом. Какая жестокая в своей реальности мысль! Теперь в необычно тихой камере, она с трудом сдерживала рыдания.

Она обняла рукой спящий рядом с ней живой комочек, такой мягкий и теплый: «Я не могла оставить тебя, малыш». Затем ее мысли приняли новый, отчаянный оборот: «Но, в конце концов, если меня казнят за веру, мне все равно придется оставить Яна». Нельзя сказать, что она не думала об этом раньше. Но сейчас эта мысль вовсе не дала ей успокоения. Почему так тяжело быть матерью? И снова она почти пожалела, что у нее были дети.

Она знала, что должна была предать свои заботы Богу От горя и тревоги перехватило дыхание: «Дорогой Господь, помоги мне не унывать, из-за того, что я осталась. Дай мне силы продолжать идти вперед. И, Господь, пусть Твоя защищающая рука пребывает над теми, кто бежал и сейчас находится в пути. Не допусти, чтобы их обнаружили, если это не против Твоей воли. Благослови Гендрика за его бескорыстную доброту. Небесный отец, храни Яна, Маргариту и Николаса. Они - твои, и я предаю их в Твои руки. Помоги мне не беспокоиться о будущем».

Излив свои переживания Богу, Клаудина почувствовала в душе огромное облегчение и мир. Измученная и обессиленная, она, наконец, уснула. Казалось, она проспала совсем недолго, прежде чем рано утром ее разбудил голос хмурого тюремщика:

— Тебя вызывают на допрос, - объявил он Гендрику. Гендрик вернулся через несколько часов, болезненно морщась и хромая. После того как тюремщик ушел, надежно заперев дверь, он все объяснил Клаудине:

— Они очень разгневаны исчезновением такого количества заключенных! Мне не

удалось выяснить, сколько всего человек бежало, кроме наших соседей по камере. Они пытались заставить меня рассказать, кто перепилил решетки, и я не смог убедить их в том, что не знаю этого. Они зверски избили меня, чтобы заставить говорить. Не могут они понять и того, почему я не спасся.

Вздохнув и с трудом превозмогая боль, он сел на влажный земляной пол. Клаудина всем сердцем сочувствовала ему. Что ей сказать? Она чувствовала на себе ответственность и вину за то, что его избили, и теперь он страдал.

«О, Господь, пожалуйста, благослови его за его верность», - эта мысль снова эхом отозвалась у нее в голове.

Глава 15

Пирсом наполнил тарелку и потянулся за куском хлеба. На самом же деле он думал не о еде. Утром жена мельника была на рынке, и, возможно, расскажет какие-нибудь новости.

Ему не пришлось долго ждать. Женщину буквально распирало от желания поскорее поделиться последними новостями.

— Вы себе даже представить не можете, что я услышала сегодня утром. Говорят, немало этих еретиков ночью бежали из тюрьмы. Кто-то перепилил на окнах решетки. Священники и судебные приставы очень этим рассержены.

Пирсом с трудом сдерживал волнение. Он старался казаться спокойным.

— Они покинули город? Кто-нибудь знает, что с ними произошло?

— Похоже, никто этого не знает. Да, и еще. Помните ту женщину с ребенком? Я имею в виду ту, что была в тюрьме.

— Да, - Пирсом напрягся, с волнением ожидая, что будет сказано дальше.

«Неужели она выбралась, и ее снова схватили?» - эта мысль неожиданно промелькнула у него в голове.

— Говорят, что для нее единственным шансом бежать было только оставив ребенка, но она этого де сделала.

Поперхнувшись, Пирсом резко встал и большими шагами направился к двери. Он не мог больше находиться среди этих людей. Каким же это было разочарованием - и это как раз тогда, когда у него появилась надежда, что Клаудина, возможно, была на свободе!

Спустя некоторое время Пирсом вспомнил о своем недоеденном обеде. Он должен был вернуться к столу. Но при одной мысли о еде к горлу подступил комок. Но с другой стороны, жена мельника всегда готовила ему вкусные обеды, и она, наверное, сейчас в недоумении относительно того, где он сейчас. Пирсом устало направился обратно к дому, пытаясь решить, чем он объяснит свое странное исчезновение.

В напряженной тишине Пирсом занял свое место за столом. Скрыл ли он свою боль от жены мельника? Мимо ее изучающего взгляда очень редко что проходило. Пирсом насильно протолкнул в себя, ставшую безвкусной пищу и затем, извинившись, встал из-за стола и отправился обратно на мельницу. Он был рад тому, что хозяин задерживался. Ему хотелось побыть одному.

А мельник в это время беседовал в доме с женой:

— Куда это Пирсом выходил во время обеда? Не заболел ли он.

— Мне и самой было бы интересно это узнать. Но я не хотела его об этом спрашивать. Он был таким бледным и молчаливым, когда вернулся, и я заметила, что когда он ел, у него дрожали руки. Может быть, его взволновал разговор о заключенных?

— Возможно, тебе не стоит так много говорить о том, что ты слышишь, - мягко упрекнул жену мельник.

— Но он всегда проявляет к этим разговорам такой интерес, - оправдывалась она.

— Да, я знаю.

После небольшого раздумья жена мельника продолжала:

— Знаешь, он всегда казался каким-то странным. Он никогда не рассказывал нам о себе ничего, кроме своего имени. Он уже достаточно зрел для того, чтобы иметь собственную семью, но он никогда не говорил о семье. Временами он бывает таким задумчивым. Но в то

же время, он очень приятный человек. Возможно, у него в жизни какая-то проблема или трагедия, - голос ее стих.

Пирсом только начал насыпать пшеницу для помола, как свет в помещении вдруг закрыла чья-то тень. Подняв голову, он увидел на пороге одного из братьев. Улыбнувшись, он радостно пригласил его войти. Это было как раз то, в чем он сейчас нуждался - брат в Господе, с которым он мог разделить свое бремя.

Брат осторожно огляделся по сторонам, прежде чем засунуть руку в карман. Протянув Пирсому свернутый пакет, он сказал:

— Это тебе от твоей жены.

Глаза Пирсома наполнились счастливым светом, и улыбка его стала еще шире, когда он осторожно прятал пакет в надежное место.

— Ты слышал, что многим верующим удалось бежать из тюрьмы?

— Да, слышал, - улыбка исчезла с лица Пирсома, и он глубоко вздохнул. - Клаучина не смогла выбраться из-за Яна. Скажи-ка, ты не знаешь, она единственная, оставшаяся в камере?

— Нет, говорят, брат Гендрик не захотел оставить ее одну и остался с ней. - Заметив на лице Пирсома выражение удивления, он быстро продолжил: - Брат Гендрик всегда был для меня примером. Он полностью посвятил себя служению Господу и своим братьям и сестрам по вере. Это очень похоже на него - поступить так, совершенно не думая о себе. Возможно, он подумал, что раз он уже стар и не имеет семьи, то нужен больше там, нежели где-либо.

— Мне страшно подумать, что она там одна и ее некому поддержать и ободрить! - бремя, тяготившее Пирсома, стало немного легче.

Затем снова заговорил гость:

— Она передала тебе письмо с теми, кому удалось бежать. Очевидно, оно уже было написано раньше.

Пирсом нащупал рукой выпуклость в своем кармане, убеждаясь, что письмо по-прежнему в безопасном месте. Ему придется подождать, пока у него не появится время и возможность прочитать его наедине.

Этот день, казалось, тянулся бесконечно. Наконец работа была закончена, и Пирсом отправился домой. Отказавшись от ужина, он направился прямо к себе в комнату. Он торопливо зажег свечу и вытащил из кармана письмо. Прошло уже более шести месяцев с тех пор, как он в последний раз видел Клаудину. Когда он открыл письмо, сам вид ее такого знакомого и аккуратного почерка тронул его сердце. Он с жадностью упивался его содержанием.

«Да будет благодать и мир нашего Небесного Отца с тобой, мой дорогой муж Пирсом. Я хочу поблагодарить тебя за то письмо, которое ты мне написал. Получить от тебя весть было для меня огромным ободрением.

Я не смогла сдержаться и заплакала, узнав о смерти Питера и горю о том, что меня не было рядом, чтобы заботиться о нем и утешать его. Но я не сильно огорчаюсь из-за этого, потому-то он счастлив на небесах, вдали от горя и страданий этого мира. Можешь ли ты себе представить, Пирсом, как сейчас он счастлив? Мне бы хотелось тоже быть там.

У Яна все хорошо, если учесть те условия, в которых он находится. Тюремщик мне приносит всякие тряпки, чтобы я могла содержать его в чистоте и тепле, за что я ему очень благодарна. Он приносит и еду для малыша, так что у Яна есть все необходимое, возможно даже больше, чем у меня. Я благодарю Господа за то, что Он таким чудным образом

заботится о нем.

Иногда я боюсь думать о том, какое будущее ожидает Яна и других наших детей, но стараюсь думать о том, что они принадлежат Богу, и что Он в силах обеспечить их всем необходимым. Я подумала о том, что если меня казнят, как мне передать Яна тебе. Давно ли ты виделся с Маргаритой и Николасом?

Мой дорогой муж, мне очень не достает тебя и детей, но могу сказать, что Божьей благодати достаточно. Его обетования стали для меня драгоценными, и я вижу, что Он хранит их, как говорится в Писании: «Не медлит Господь исполнением обетования» и «Будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший».

Бог никогда не обещал что мы не будем проходить через страдания, но Он обещал быть с нами и благословлять нас, если мы пребудем верными. Пожалуйста, молись за меня, Пирсом, чтобы я сохранила свою верность Богу, чего бы мне этого не стоило. Иногда цена кажется такой высокой. Мне бы так хотелось, чтобы они уже скорее сделали со мной что-нибудь в место того, чтобы просто удерживать меня здесь на протяжении многих месяцев. Думаю, им известно, что здесь тяжело находиться долгое время.

Со мной в камере еще одиннадцать человек. Двое из тех, что были с нами, отреклись от веры. Очень больно видеть, как кто-то оставляет свою веру; иногда дьявол и мне пошептывает, что и я могу получить свободу. Меня бросает в дрожь от одной мысли о тех муках и страданиях, которые я бы испытывала, живя с сознанием того, что я отреклась от моего Господа. Одно из самых больших моих опасений - это то, что в минуту слабости я могу поддаться искушению. Молись о том, чтобы я сохранила веру.

Меня уже допрашивали, но я еще не подверглась пыткам, не смотря на то, что другие уже прошли через это. Ах, дорогой мой муж, все кажется таким безнадежным! Я думала, что если буду говорить истину, никто не сможет ее опровергнуть. Но у них, похоже, на все есть свое мнение, и им совершенно безразлично, что на самом деле говорится в Писании. Меня спрашивали о крещении младенцев, молитвах святым, причастии и другом. И если они не могли найти ответа, которым бы опровергли сказанное мной, то просто говорили, что я всего лишь женщина и не в состоянии всего понять. Вся их манера поведения ужасно надменна и безбожна, и при этом они все же говорят, что мы заблуждаемся.

Я должна заканчивать, так как места очень мало, хотя мое сердце и хотело бы излить тебе многое. Все это для меня настоящая борьба, ведь я так привыкла делиться с тобой своими проблемами и чувствовать твою помощь и ободрение. Теперь я должна доверяться лишь одному богу, а Он никогда не подводил меня.

Я частот молюсь тебе, мой возлюбленный Пирсом. Я знаю, что это не легкое испытанием для тебя - думать о том, что я нахожусь здесь, но, пожалуйста, не вини себя за то, что бежал в тот день, когда меня арестовали. Бог по какой-то причине допустил, что это произошло, и я готова сидеть здесь, раз это Божий план.

«Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться?» я всегда нахожу в этом огромное утешение, и пусть так же будет и с тобой. Да пребудет в твоем сердце Божий мир и покой - вот моя молитва о тебе.

Твоя любящая жена, Клаудина де Ветте».

Пирсом медленно сложил письмо. Опустившись на колени на твердый деревянный пол возле своей кровати, он закрыл руками лицо. Словами нельзя было выразить и излить Господу всю тяжесть бремени, лежавшего у него на сердце. Что-то похожее на стон сорвалось с его губ. Луна была уже высоко на небе, когда он, 'наконец, встал с колен и лег на

кровать. Но в его сердце теперь царил Божий мир.

Глава 16

Клаудина поменяла положение. Она сидела, прислонившись спиной к холодной каменной стене и уже начала замерзать. Было очень трудно расположиться так, чтобы чувствовать себя в камере удобно, где все было таким твердым, холодным и мрачным. «Таким же, как и сердца ее пленителей», - подумала Клаудина. >

Сегодня тишина в камере начала действовать ей на нервы. Гендрик и Ян сейчас спали, и от этой тишины у нее звенело в ушах. Она попыталась стряхнуть с себя тоску и отогнать беспокоившие ее тягостные мысли, но все ее попытки были напрасны. Как ей не доставало тех узников, которые бежали! Чем сейчас занималась Мэйкен? Встретилась ли она со своими детьми?

Клаудина снова представила себе свое возвращение к детям, их счастливые возгласы «Мама!» и прикосновение их маленьких ручек, крепко обвивших ее шею. С каким радостным волнением она заключила бы этих маленьких детей в свои объятия! А затем - найти Пирсома и поплакать слезами радости у него на плече. Это сделало бы ее счастье полным. Другие получили свободу, не отрекшись от своей веры. Но почему не она? Она все еще сидела здесь, заточенная в этой тюремной камере, практически без всякой надежды на светлое будущее. Ей оставалось только смириться с этим. Вероятность того, что желания ее сердца когда-нибудь сбудутся, была ничтожно малой.

Слезы катились по ее щекам, незаметно падая на изодранное платье и у нее не было сил их остановить. Сегодня жизнь казалась такой безнадежномрачной. Почему кажется, что Бог так далеко? Почему у нее нет желания молиться? Неужели она на самом деле не истинная христианка? По мере того как она начала вспоминать обо всех своих прошлых прегрешениях, ею все больше и больше овладевало отчаяние.

Страх и опасения, часто посещавшие ее в последнее время, теперь усугубили тяжесть, лежавшую на ее и так уже отчаявшемся сердце. Ее еще не пытали и не мучили физически. И когда наступит этот час, устоит ли она перед испытанием? Что если она отречется от веры, когда боль станет невыносимой? Человек идет практически на все, лишь бы избавиться от боли. Она была уверена в том, что не собирается отрекаться, ибо если бы она отвергла Господа, то могла ли бы она тогда надеяться на прошение своей души? А жить непрощенной было бы действительно «очень тяжело, даже если бы она и была на свободе.

— Что тебя беспокоит, сестра?

Слова эти прервали тяжкую цепь ее мыслей. Она под-'йяла глаза, все еще наполненные слезами, чтобы взглянуть на Гендрика. Он только что проснулся и увидел, что она плачет.

Клаудина почувствовала себя неловко, оттого что ее застали в слезах. Несколько минут она молчала, пытаясь собраться с мыслями и решить, с чего ей начать. Она действительно нуждалась в помощи и была готова получить от кого-нибудь поддержку и ободрение.

Тем временем Гендрик сел возле стены недалеко от нее. «Спешить нам некуда; у нас здесь много времени», - рассуждал он про себя.

— Просто я впала в отчаяние из-за всего этого, - отрывисто произнесла Клаудина, признаваясь. - Здесь так одиноко без Мэйкен и других. Я размышляла об их свободе и жалела о том, что у меня ее нет. И когда я начинаю представлять себе встречу со своим мужем и детьми...

Голос Клаудины прервался и, несмотря на ее усилия подавить слезы, они снова потекли

по ее щекам. Почему она продолжает плакать? Слезы заставляют чувствовать себя так неловко, особенно в присутствии других людей.

— Я знаю, пройти через это чрезвычайно тяжело из-за нашей глубокой любви к своим семьям. - Гендрик на мгновение замолчал, а затем продолжил, - но вспомни, что говорит Библия: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

Ну, конечно же! Эти слова звучали так знакомо! Она сама временами о них думала, и Пирсом также напоминал их ей.

— Я знаю, здесь одиноко без тех верных братьев и сестер, которые были с нами, - продолжал Гендрик. - Теперь дьявол будет усерднее, чем когда-либо, пытаться совратить нас с пути - любым способом. Он успешно и часто использует свой инструмент отчаяния тогда, когда все остальное не срабатывает.

Такое утешение Гендрика было успокоением для Клаудины.

— По благодати Божией я не собираюсь позволить ему одержать победу надо мной, - ответила Клаудина. - Но, ох, иногда борьба кажется такой тяжелой, - призналась она.

— Мы не знаем, что уготовило для нас будущее, поэтому мы не должны пытаться справиться со всем сегодня. Когда наступит завтра, со всеми его испытаниями, тогда Бог даст нам благодать пройти через них. Никогда не сомневайся в этом, Клаудина, - в голосе Гендрика слышалось твердое убеждение.

В своем отчаянии она уповала на то обещание, которое Он дал. Ей так хотелось преодолеть эти ужасные сомнения и безысходность.

— «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы». Оставь все завтрашние дни в Руке Божией, сестра. Быть может, еще сегодня Иисус вернется за всеми Своими детьми. А если нет, то Он обещал обеспечивать нас всем необходимым. «Довольно Для тебя благодати моей», - Гендрик снова замолчал.

Вы говорите так доверительно и уверенно, - сказала, улыбаясь, Клаудина.

— Я всего лишь делюсь с тобой тем, на что научился опираться сам во времена тяжелых борений - как раз таких, которые сейчас испытываешь ты, - объяснил он. - И вот еще кое-что, о чем тебе следует подумать. Когда тобой начинает овладевать искушение впасть в отчаяние, помни о том, что эти люди могут убить только тело. Больше ничего. И тогда тебя на небесах ждет награда. Размышляй о небесах. От этого тебе станет легче.

Затем Гендрик пересел на прежнее место, чтобы дать Клаудине возможность подумать над теми истинами, которыми он с ней поделился.

Небеса! Казалось, что такое место трудно себе представить. Никаких нечестивых людей. Как это замечательно! Никакой боли, голода, холода, никаких болезней. Как чудесно! Никаких душевных переживаний, скорбей, слез, расставаний. И Питер тоже там. Когда она вдумалась в это, ее лицо озарила улыбка. Малыш Питер - похож ли он на ангела? Наверное, он сейчас поет. Ей так хотелось представить себе его, но ее воображение было ограниченным. Как же она хотела быть сейчас там, вместе с ним!

Но как же Пирсом и другие дети? Как было бы замечательно, если бы вся семья могла вместе отправиться на небеса!

Клаудина осознавала, что это глупая мысль и попыталась отогнать ее. «И все-таки, - думала она, - смогла ли бы я быть действительно счастливой, если бы Пирсому все еще приходилось выносить эти земные испытания? Ну, ладно, я не в состоянии всего этого

понять, но Библия обещает, что мы будем во всем счастливы на небесах. Так что, как бы там ни было, все будет хорошо, правильно и совершенно», - решила она.

Да, мысль о небесах - это действительно чудесная мысль, но как же та ступень, которая им предшествует? Как ее перешагнуть? Ожидает ли ее ужасная мученическая смерть? Эта мысль была далеко не утешительной. Но она ободрилась, когда вспомнила слова Гендрика: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне», «Довольно для тебя благодати Моей». Бремя спало с ее сердца. Бог позаботится о ней. Она взглянула на Яна. Мирное, удовлетворенное выражение его лица отражало мир, воцарившийся в ее собственном сердце. Она тихонько запела:

На Тебя, Господи, уповаю;
Да не постыжусь вовек.

Глава 17

Клаудина вся напряглась, услышав знакомый звук поворачивавшегося в замке ключа и скрежет распахнувшейся настежь тяжелой двери. Она никогда не знала, чего ей ожидать. Ах, да, это только мальчик, наполнявший водой стоявшее в углу камеры, ведро.

Вода выплеснулась через край, когда он поспешно наполнил ею ведро. Было ли это только воображением Клаудины или он действительно был сегодня каким-то неуклюжим и нервным?

Он сделал шаг в ее сторону. Затем он быстро сунул руку в карман и достал оттуда измятое письмо:

— Это для вас, - сказал он и, вложив письмо ей в руку, исчез за дверью.

Клаудина от удивления широко раскрыла глаза. Такого она не ожидала. Поглядывая на закрытую дверь, она пересела подальше в угол. Держа Яна на руках, она развернула письмо, заметив, что там снова было достаточно бумаги для того, чтобы она могла ответить. Любопытные маленькие ручки потянулись за письмом, и Клаудина усадила Яна на пол. Она жадно вчитывалась в строчки письма, держа его подальше от Яна. Пирсом писал:

«Моей возлюбленной жене, Клаудине, Да пребудет сегодня в твоем сердце Божья любовь и мир. Твое письмо очень много для меня значит, и я благодарю тебя за него. Для меня было большим утешением узнать, что ты остаешься верной Господу. Я каждый день молюсь о том, чтобы ты продолжала пребывать в вере, моя дорогая Клаудина.

Мне предоставили возможность передать письмо. Я не хочу никого подвергать опасности в случае, если это письмо попадет не в те руки, но ты понимаешь, о чем я говорю, и возможно, сможешь ответить таким же образом. Я слышал о бегстве других верующих. Мне тяжело было смириться с тем фактом, что ты не смогла бежать. Я много молился за тебя, чтобы ты не лишилась мужества, ибо я уверен, что и для тебя это переживание было нелегким. Я рад за тебя, что верный брат Гендрик остался с тобой. (Об этом я также слышал.)

О, Клаудина, я постоянно думаю о том, через что ты проходишь и что переживаешь. Оставайся верной, и тогда ты получишь небесную награду, которая стоит вех этих страданий. Иисус обещал: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».».

Ранее Клаудина уже почерпнула силы из этого обетования, но сейчас оно еще раз ободрило ее. Она прекрасно знала о том, сколько сама она была слаба, но Иисус обещал ей Свою силу.

«Несмотря на то, что моя любовь к тебе глубока, именно по этому я не хотел бы, чтобы ты купила себе свободу ценой своей веры. Подумай о тех несчастьях и страданиях, которые стали бы твоей платой.

Я виделся с Маргаритой и Николасом. Маргарита больше переживает расставание с тобой, чем Николас, потому что понимает больше. Но о них хорошо заботятся. Мне трудно оставлять их так как они очень тянутся ко мне. Я много молюсь них, и знаю, что ты делаешь то же. Временами я радуюсь из-за того, что наш Питер счастлив в присутствии Господа.

Моя возлюбленная жена, я хотел бы призвать тебя быть отважной, «взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление».

Павел говорит так: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Поразмышляй над одиннадцатой главой Послания к Евреям. Я уверен, что при твоей замечательной способности запоминать места из Писания, ты сможешь ее вспомнить. В этой главе говорится о тех многих свидетелях-праведниках, которые многое претерпели за свою веру, взирая на воздаяние. «Были побиваемы камнями, перепиливаемы... умирали от меча...». Ты не одна в своих страданиях, «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее на поприще, взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса», как я уже говорил в этом письме ранее.

Да утешит, укрепит, ободрит и благословит тебя бог сполна. Смело преодолевай трудности, и получить награду праведника.

Сие написано мной, твоим мужем и братом в Господе, Пирсомом».

Клаудина задумчиво сложила письмо. Возможно, Пирсом никогда не узнает о том, сколько мужества придавало ей чтение его писем.

Но эти письма приносили с собой и новую печаль о Детях. Временами она задавалась вопросом: «Почему, Господь? Почему невинные дети должны так страдать? Всем своим существом она стремилась пойти к ним, отереть с их лиц слезы, разогнать их страх, прижать их покрепче к себе и пообещать им, что она никогда больше их не покинет. Никогда! Но не ей это было решать.

По мере того как она пыталась найти ответ на мучительные вопросы, бремя, лежавшее у нее на сердце, становилось все тяжелее: «Пойдут ли мои дети по верному пути, когда вырастут? Кто преподаст им истину?»

«Дорогой Господь, помоги мне выдержать эту борьбу. Отец, пребудь, пожалуйста, с моими детьми. Исполни их жизнь миром, направив их стопы на путь истинный. Утешь их одинокие сердца. Если они не будут служить Тебе, когда вырастут, возьми их в Свою славу сейчас, в их невинности». Она надеялась, что это была не эгоистичная молитва. Она знала, что не могла бы молиться об этом так спокойно, если бы была с ними.

Она подумала о своем маленьком сыне, который ходит по золотым улицам, и улыбка, сквозь слезы, стерла с ее лица печать боли. Были ли его стопы склонны к блужданию по неверным дорогам? Веселый, шаловливый Питер был навсегда в безопасности вместе с Иисусом. Никаких слез по матери, никакой тоски по отцу, никакой боли, никакого страха... Она ни в коем случае не желала его возвращения в этот ужасный мир. «Ах, Питер, узнаешь ли ты меня, когда я приду туда? Жаль, что ты не можешь рассказать мне сейчас, чему подобны небеса».

Все ее мысли неизбежно устремлялись к ее осиротевшим детям, пытающимся совладать с жестоким, безобразным миром. «Почему?» - кричало ее материнское сердце, но чувство вины остановило ее. «Я не должна спрашивать «почему». Но этот вопрос все же не давал ей покоя.

Ища ответа, Клаудина, казалось, услышала слова Иисуса, сказанные Им на земле: «Пустите детей приходить ко мне, и не препятствуйте им». Иисус уделял время малышам, и Он также мог позаботиться и об ее детях. Разве он не говорил, что ни одна из птиц не забыта у Небесного

Отца? И, конечно же, ее дети были для Него дороже, чем птицы. Если Он может кормить птиц и одевать цветы, то разве Он не обеспечит ее детей всем необходимым? В отчаянии она цеплялась за эти источники утешения.

Очнувшись от своих размышлений, Клаудина сложила письмо и спрятала его. Повернувшись, наконец, к Яну, требующему внимания, она поставила его к себе на колени и взяла за руки.

Возможно, именно это письмо обострило нетерпение Клаудины. Позже в этот день она сказала Гендрику:

— Я так устала сидеть здесь день за днем и месяц за месяцем. Я не страдаю от пыток, но постоянное бездействие также может быть пыткой. Я просидела здесь целую зиму, и вот снова наступила весна. Когда меня привели сюда, был жаркий августовский день, - вспоминала она.

— Им известно, что время может сломать человека. Именно поэтому нам необходимо наполнить свои мысли Писанием и молитвами. Не поддавайся скуке и унынию, - ответил Гендрик.

Понимая, что это действительно так, Клаудина постаралась вспомнить какую-нибудь песню. Из глубины ее памяти всплыла песня из книги «Het Offer des Heeren», которую она когда-то выучила. Это была длинная песня, в которой рассказывалось о страданиях и победной смерти сестры в Господе несколько лет тому назад. Она тихонько запела:

Она была девушкой хрупкой,
Элизабет имя дано было ей;
Ливарден - был город прекрасный,
Где девушка эта жила.
Когда ее схватили, был январь
Тысяча пятьсот сорок девятого года.
Истинная верность и преданность Христу
Сделали ее узницей страшной тюрьмы.
В темницу ту скоро ее привели,
Где силой закона заставить пытались
Ответ дать им клятвенный, и не скрывая,
Сказать, был ли муж у нее, и где он.
Услышав такое, она отвечала:
- Нет, клясться не стану уж я никогда;
Ответ пусть всегда будет «нет» либо «да»,
Но нет, господа, мужа нет у меня.
- Дошли до нас слухи, что ты наставленьем
Немало людей совратила с пути.
Теперь-ка ты нам имена назови
Принявших неверное это ученье.
- О, нет, господа, оставьте вы это;
Имен этих вам не узнать никогда,
Спросите меня о моей вере в Бога, -
Ответила искренно, четко она.
- Скажи откровенно, что думаешь ты
О Мессе, а также причастье достойном?
- Нигде не могу я в Писаньи найти
Всем этим учениям подтвержденье.
В то время, когда о Вечере Господней

Читаем во многих местах, -
Сказала она, говоря про тот вечер,
Когда Христос хлеб преломил и из чаши испил.
Из Божьего Слова она говорила
О том, за что крепко чрез веру держалась.
Тогда предъявили еще обвиненье:
- Язык твой, видать, сатаной одержим.
- Слуга, - отвечала смиренно она, -
Не больше никак своего господина.
«Да, - думала девушка, - мой Господь также
Обвинен несправедливо был, что был одержим».
- Скажи, не считаешь ли также неверным
Крещенье в младенческом возрасте ты?
Известно нам стало - сторонница ты
Той секты, что заново крестит людей.
- Крещенье, что в детстве далеком мне преподали,
Жажду души моей не утолило,
Как то, что в последствии я принимала,
В живого уверовав Бога.
- Возможно ль священникам грех отпускать?
- О, нет, господа, как смогу доказать,
Что прощает Христос - наш единый Священник
Коль к священнику вместо Него я пойду?»
Немного спустя после этой беседы
Допрос был закончен, и, девушку взяв,
Они отвели ее в камеру пыток,
Где грубый, жестокий палач ожидал.
- До сих пор по-доброму, с нежностью мы
С тобой говорить все пытались,
Но раз ты помочь нам никак не желаешь,
Суровые меры придется принять.
Тогда ей на хрупкие руки надели
Орудие пытки для пальцев больших,
(при этом немалую боль причинили),
Дробили ей пальцы до тех пор, пока
Ее кровь заструилась с ногтей.
- Ах, боль эта более невыносима.
- Признай свою неправоту, и тогда все пытки мы приостановим.
- Господь, помоги мне, - сквозь слезы молила. -
Помощником, Боже, сегодня мне будь.
- Признайся. Признайся, - взывали к ней снова,
И боль твою мигом тогда облегчим. -
Еще говорили: - Признавайся скорее;
И к Богу не думай теперь уж взывать.
Но с пылкостью снова неслась мольба к Богу,

И Он Сам услышал, боль сразу унял.
Спокойно тогда уж сказала она:
- Спросите теперь, боль ушла.
Тут в голени ног ей винта два вкрутили.
- Избавьте меня от позора такого, - просила она.
Мужчина не знал меня, и никогда
Не видел меня обнаженной настолько.
И в их там руках потеряла сознанье;
«Мертва уж», - подумали было они.
Но вскоре она, пробудившись, сказала:
- Еще я жива, смерть еще не пришла.
- Так как, заберешь ли назад ты слова,
Что молвила здесь, перед нами, недавно?
- О нет, - был ответ. - Я лишь их подтвержу,
Навек закрепив своей собственной смертью.
В марте тысяча пятьсот сорок девятого года
Конечный ее приговор совершился;
Полную Божьей отваги и мужества
Никто не смог ее сломить.
Она мужественно, с великой верою,
Приняла смерть через утопление,
И эта вера, явлена всем нам, живущим сейчас, -
И когда мы, страдая и скорбя, взываем к Господу,
Он тотчас слышит каждый наш крик.

Глава 18

Утро этого теплого весеннего дня было влажным и прохладным, но к полудню в камере, казалось, стало немного теплее, несмотря на то, что она всегда была сырой и холодной. Клаудина поставила Яна на пол, слегка наклоняясь вперед и держа его маленькие руки в своих.

Весело лепеча что-то себе под нос, Ян сделал несколько неуверенных шагов, крепко держась за мамины руки. Его маленькие босые ножки неуверенно ступали по неровному земляному полу, а когда они дошли до середины просторной камеры, Клаудина услышала звук поворачивавшегося в замке ключа. Быстро взяв Яна на руки, она, волнуясь, повернулась к двери.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял тюремщик с длинной веревкой в руке.

— Вас вызывают на допрос, - обратился он к Клаудине в своей обычной прямолинейной, грубой манере. - Идемте со мной.

Гендрик подошел к ней.

— Я посижу с Яном, - сказал он, протягивая руки, чтобы взять малыша. Недовольный Ян громко захныкал.

Пока тюремщик связывал Клаудине руки, Гендрик прошел в другой конец камеры, изо всех сил стараясь успокоить плачущего малыша.

Чем дальше уводили Клаудину, тем тише становились рыдания ее ребенка, и это все эхом отзывалось у нее в ушах, надрывая ее сердце. Целыми днями, когда ей нечего было делать, она играла с ним, и он очень полюбил и привязался к своей маме.

Когда ее вели по коридору, и затем вверх по лестнице, ее женское естество запротестовало против того, чтобы быть увиденной в таком состоянии. Она тщетно пыталась руками зачесать назад свои запутанные, непослушные волосы, выбившиеся из-под запачканного и измятого покрывала. Такими же тщетными были и ее попытки разгладить свое измятое, выпачканное платье. Она знала о том, что была грязной, и что от нее исходит дурной запах. Ей, всегда нетерпимо относившейся к грязи, теперь приходилось выглядеть таким образом! «Ради Христа, я должна перенести и это», - сказала она себе.

Поднявшись на последнюю ступеньку, она последовала за тюремщиком в находившуюся тут же, неподалеку, комнату. Поднимаясь по лестнице, Клаудина ослабела и запыхалась, поэтому она с облегчением опустилась на стул, поставленный перед ней. Затем тюремщик покинул комнату.

Оглядевшись по сторонам, Клаудина узнала в одном из священников того самого, который допрашивал ее ранее. Вместе с ним за длинным столом сидели еще несколько других. Ее взгляд остановился на мужчине, равнодушно глядевшем на нее. В одной руке, лежавшей на стопке бумаг, он держал перо, а другой подпирал подбородок. Она предположила, что он был писарем криминального суда. Кроме них в комнате было еще два человека. В одном она узнала чиновника, а лицо другого выражало большое достоинство, - наверно, это был судья. Чиновник прокашлялся:

— У вас было немало времени для того, чтобы обдумать свое положение. Мы предоставили вам для этого достаточно времени. - Его улыбка была холодной и отталкивающей. - И теперь вы уже готовы исповедать свои грехи священнику и вернуться к

своей семье, туда, где ваше место, не так ли?

Клаудина тихо ответила:

— Я не знаю ни о каком грехе, который я должна была бы исповедать.

— Ну, ну, - возразил он. - Не станете же вы утверждать, что вы - совершенны. Вы пробыли здесь все эти месяцы, ни разу не исповедавшись, и при этом говорите, что вам нечего исповедовать?

— Священники все равно не могут прощать грехов. Только Христос может прощать грехи. Я исповедую свои грехи Ему.

Чиновник поднял руку:

— Прекратите. Никогда больше не смейте проявлять такое неуважение по отношению к этому образованному господину, - он указал рукой на священника, - которого я пригласил сюда для того, чтобы приобрести вашу душу.

Теперь заговорил священник:

— Нам очень жаль, что вы придерживаетесь этого глупого мнения. Я не испытываю к нему столь достаточного почтения, чтобы даже назвать его верой. Это просто мнение. - Все эти слова были сказаны тихим голосом.

В ответе Клаудины звучало твердое убеждение.

— Мы желаем исполнять только то, чему учит нас Христос в Своем Слове. Мы не хотим иметь ничего общего ни с вашими идолами и храмами, ни с вашими человеческими заповедями. Стефан однажды сказал, что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет».

— Ах, ты глупая женщина, - заявил священник с отвращением. - Что, во имя нашей святой матери, ты подразумеваешь, говоря об идолах?

— А разве вы не имеете множество идолов, сделанных из дерева и камня, изображений из серебра и золота? Писание ясно говорит: «Твердо держите в душах ваших... дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний».

— Как же ты извращаешь Писание! Но раз ты считаешь, что священники не могут прощать грехов, позволь-ка мне разъяснить тебе, что говорится в Писании. Разве Христос не сказал Петру: «паси овец Моих», и что на нем Он создаст церковь Свою? И разве он не дал Петру ключей от небес, а также всю священническую власть разрешать грехи и связывать их? И разве святые римские папы не занимают то же самое место и не имеют той же самой власти? Ибо они являются преемниками Святого Петра. Итак, что же ты скажешь на это? Давайте-ка послушаем.

— Христос сказал, что на этом камне, имея в виду исповедание веры Петра в Него, Он создаст церковь. Он ничего не сказал ни о римских папах, ни о преемниках, ни о священнической власти прощать грехи.

— Но Он говорил о ключах к небесам и о разрешении, и о связывании. И если бы не было папы или священников, тогда кто, скажи-ка на милость, имел бы власть прощать и освобождать от грехов?

— Христос - наш единственный Посредник. Все Послание к Евреям ясно учит нас этому.

— Ты - глупая женщина. Как ты можешь вести себя так, будто знаешь так много из Писания? В каком же университете ты училась? - глумился над ней священник. - Я изучал богословие в университете на протяжении многих лет, а ты еще смеешь утверждать, что лучше меня знаешь, о чем говорит Писание.

Внезапно Клаудине в голову пришел подходящий ответ.

— В Евангелии от Матфея 11:25 Иисус сказал: «...Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам».

— Ну, конечно же, - сухо отозвался священник. - Бог открывает Свою истину сапожникам, ремесленникам, изготовителям метел, мельникам, кровельщикам и всяким другим отвратительным нищим и даже женщинам. А от нас, священнослужителей, которые учились на протяжении многих лет, Он ее скрывает. Вы только послушайте эту женщину! Вы, анабаптисты, до крещения не можете отличить А от Б, а затем сразу после того, как принимаете крещение, вы вдруг начинаете читать и писать. Должен сказать, в этом есть что-то странное.

— Вы не должны видеть ничего странного в том, что благодать Божья помогает нашим новообращенным, когда мы старательно учим их чтению.

— Итак, вы полагаете, что имеете Божью благодать. А разве ты не знаешь, что святой Иаков учит таинству исповеди?

— В Послании Иакова говорится: «Признавайтесь друг перед другом в проступках» Если бы я исповедала свои проступки перед вами, вы исповедали бы передо мной свои? - поинтересовалась Клаудина.

— Ах ты, высокомерная анабаптистка, да что же это такое ты о себе возомнила, чтобы говорить, что святые священники должны исповедываться перед тобой? Какое богохульство!

Клаудина спокойно посмотрела в его сверкавшие гневом глаза, и священник отвел взгляд.

Затем он снова заговорил уже более спокойным тоном:

— Сам Христос сказал: «Пойдите, покажитесь священникам». Что скажешь на это? - Сложив руки, он устремил на нее пристальный взгляд.

Спокойный ответ Клаудины не заставил себя долго ждать:

— Иисус сказал это прокаженным, которых только что исцелил. Они должны были показаться священникам, чтобы те увидели, что они очистились. Он ничего не сказал об исповедании грехов. Им нужно было показать себя священникам для того, чтобы им снова разрешили находиться среди людей, от которых их изолировали из-за проказы. Это предусматривалось иудейским законом.

— О, нет, там ясно говорится: «Идите и исповедуйтесь перед священниками», ибо так это понимает наша мать, святая Римская католическая церковь, - произнес священник с твердой убедительностью в голосе.

Клаудина ничего не ответила. Какой был смысл спорить?

— Вот видишь, тебе нечего сказать. Теперь-то ты загнана в угол, - с издевкой высмеивал ее священник. - Шурша своей рясой, священник наклонился вперед и снова заговорил, не оставляя Клаудине никакой возможности для ответа. - А теперь скажи нам ты, анабаптистка, - он будто выплюнул это слово, как если бы оно само по себе было ядом, - кто твой муж?

Клаудина ответила не сразу. Может это ловушка? Они ведь, наверняка, знают, кто был ее муж. Быть может, они пытаются выведать у нее его местонахождение?

— Думаю, вам известно, кто мой муж, - ответила она.

— Ах, так? Да, мы знаем вас, грязных анабаптистов. У ваших мужчин все женщины общие, и они бегают вместе, как собаки. Разве это не замечательно?

От этого разговора у Клаудины вспыхнули щеки. Она почувствовала, как внутри у нее все вскипело, и воззвала к Богу о спокойствии. Затем она ровным тоном ответила:

— Это неправда. Нас оклеветали относительно этого.

— Ты - лгунья! - взорвался священник. - Ты отрицаешь это, но, тем не менее, это правда. Те, что силой захватили город Мюнстер и какое-то время удерживали его, без всякого сомнения, были анабаптистами. И у них все было общее, включая женщин. Они грабили церкви и женские монастыри. И ты еще смеешь это отрицать? Ты, наверное, думала, что мне это неизвестно, однако это правда. - Он бросил на нее злобный, презрительный взгляд.

— Это были лжеучителя. Мы не имеем никакого отношения к их преступлениям. Они не являются нашими братьями, - Клаудина хотела, чтобы они это четко усвоили.

— Ты можешь пытаться отрицать это сколько угодно, но я все равно знаю, что это правда, - отрывисто закончил священник, как бы закрывая эту тему.

Чиновник прокашлялся:

— Где твой муж?

— Я не знаю, - Клаудина была чрезвычайно рада тому, что могла честно сказать это.

— Послушай, женщина, я не верю в то, что ты совсем ничего не знаешь о его местонахождении. Итак, где он? - снова спросил чиновник, особо подчеркивая последние два слова.

— Я не желаю вам ничего говорить. Вы только воспользуетесь этим для того, чтобы причинить ему вред.

Клаудина решила молчать, наблюдая за писарем, торопливо записывающим все сказанное.

— Мы можем заставить тебя сказать нам это, - чиновник угрожающе кивал, грозно глядя на Клаудину. - Получала ли ты от него вести?

Он сидел, пристально наблюдая за ней, как будто пытался прочитать ее мысли. Его стальные глаза, казалось, пронизывали ее насквозь.

Что ей отвечать? Какое-то мгновение она думала. Затем она снова сказала:

— Я не желаю вам ничего говорить.

Внутри Клаудина вся дрожала и молила Бога о силе. Одно дело быть допрашиваемой в отношении своей веры, но то, что ее пытались использовать как средство получения информации о других братьях и сестрах, пугало. Она никоим образом не хотела стать причиной ареста своего мужа или кого-нибудь еще. Где-то в подсознании у нее таился страх перед пытками. Станут ли они ее пытать, если она откажется рассказать им о том, что они хотят узнать? «Господи, загради мне уста, чтобы мне не сказать ничего лишнего, и дай мне ясность ума и способность мыслить трезво».

Как она и предполагала, это было только начало их ужасного допроса.

— Где родился ваш ребенок?

— В Минене.

— Был ли он крещен?

— В этом не было нужды.

— Ха! Вы только послушайте эту глупость, - вставил священник.

— И кто же помогал при родах этого ребенка?

— Акушерка, наша подруга.

— А кто ваша подруга?

— Я не желаю вам этого говорить.

— Мы заставим тебя сказать! - чиновник начинал сердиться. Они все забрасывали и забрасывали Клаудину вопросами, не получая от нее желаемых ответов.

— Кто преподал тебе крещение?

Клаудина решила, что на этот вопрос она может ответить. Линарта Боуэнса уже несколько лет не было в этих краях, и это не причинит ему никакого вреда. Но они на этом не успокоились.

— Кто при этом присутствовал?

— Где это происходило?

— Кто был вашим руководителем в Минене?

— Где проходили ваши собрания? Клаудина ничего не отвечала. Наконец возмущенный чиновник встал:

— Ах ты, упрямая и глупая женщина, может быть, у тебя появится больше желания изменить свое сумасбродное суждение и ответить на наши вопросы, если мы отведем тебя в соседнюю комнату и покажем тебе то, что поможет тебе убедиться в своей глупости. Знаешь ли ты, что мы уже многим помогли таким образом?

Глава 19

Словно во сне, Клаудина позволила взять себя за связанные веревкой руки и вести в то помещение, которое, по ее предположению, было камерой пыток. Она чувствовала себя удивительно спокойно, представив в те несколько коротких мгновений, что с нею могло случиться. «Я пребуду верной, - решила она, - придержи мой язык, Господи».

Она огляделась вокруг. Неподалеку находилась дыба - первое, что бросилось ей в глаза. Она походила на стол с прикрепленными к обоим концам веревками и с рукояткой на одном из концов. Затем в одном углу камеры, возле камина, она заметила грубого, крупного мужчину, довольно неопрятного. Он перестал сгребать в кучу затухающие угли и устремил взгляд на очередной экземпляр, приведенный к нему. На столе около него был разбросан целый арсенал инструментов - кнуты, винты, щипцы, грузы, веревки и другие орудия пыток.

Темная, мрачная комната сама по себе была местом весьма отталкивающим. На полу, вокруг столба, расположенного в центре камеры, Клаудина увидела то, что, вероятнее всего, было пятнами крови. Это, должно быть, был столб, на котором людей избивали кнутом. Она поддалась бы ужасу и панике, поднимавшейся внутри нее, если бы не воззвала к Богу - о силе.

Чиновник наконец заговорил:

— Как видишь, мы можем попросить этого человека помочь нам, если ты все еще будешь отказываться сотрудничать с нами. Хочешь ли ты пересмотреть свои взгляды и подчиниться нашей святой римской католической церкви?

— Я не могу делать ничего другого, кроме того, чему учит меня Христос и Библия, а они говорят мне о том, что я не могу принадлежать к вашей идолопоклоннической католической церкви, - ответ Клаудины был ясным и твердым!

Пожав плечами, он обратился к палачу:

— Возможно, ты сможешь помочь ей.

Клаудину безжалостно бросили на дыбу. Лежа на спине, она закрыла глаза в молитве. Она не делала никаких попыток сопротивляться, когда ее руки и ноги надежно связали веревками. Затем палач начал поворачивать рукоятку.

Клаудина чувствовала, как ее тело, растягиваясь, становилось все длиннее и длиннее. Боль усиливалась с каждым поворотом рукоятки. Она пронзала ее запястья, руки, ноги, лодыжки. Она не смогла сдержаться, чтобы не застонать от ужасной боли. Что-то, несомненно, должно было вскоре сместиться или сломаться в ее теле.

Чиновник стоял прямо над ней:

— Просто скажи, что ты отрекаешься от своей веры, и мы отпустим тебя.

Клаудина отрицательно покачала головой. Жгучая, пронзительная боль была нестерпимой, но ради Христа и по Его благодати она ее выдержит.

Чиновник сделал еще одну попытку:

— Скажи нам, где находится твой муж, и мы прекратим пытки. Я знаю, что тебе что-то известно.

Стиснув зубы, Клаудина снова отрицательно покачала головой: «Помоги мне, Господи! Помоги мне!» Ее внутренний вопль снова и снова возносился к трону Всемогущего, и она ощутила близость своего Господа.

— Крути рукоятку, пока она не заговорит, - резко скомандовал розъяренный чиновник.

Боль становилась невыносимой. Внезапно с ее губ сорвался крик, и она погрузилась в спасительную темноту.

Глава 20

Ян громко плакал. Клаудина изо всех сил пыталась очнуться. Морщась, она попробовала сесть. Почему у нее все так болит? Она снова бессильно опрокинулась назад. Оглядевшись по сторонам, она увидела Гендрика, который держал на руках Яна, плачущего и протягивающего обе руки к матери.

Туман начал рассеиваться и внезапно она вспомнила - ее пытали на дыбе! Какое же это облегчение быть здесь, а не на той ужасной дыбе. Но как она сюда попала? Она не помнила, как возвратилась в камеру. Она чувствовала себя такой измученной, что не могла даже думать. Ах, как же у нее все болело!

Она должна успокоить Яна. Клаудина снова попыталась сесть, но боль была слишком сильной. Казалось, все ее суставы были смещены. Наконец, с помощью Гендрика ей удалось сесть. С трудом удерживая сознание, она потянулась за Яном, но тут же обнаружила, что ее растянутые и искалеченные руки были не в состоянии выдержать его вес. Гендрик осторожно посадил малыша ей на колени.

Когда Ян успокоился, Клаудина спросила:

— Они принесли меня обратно?

— Да. Значит, тебя растягивали на дыбе, - по сути, это не был вопрос, - ответ он уже знал.

Клаудина кивнула, содрогаясь от воспоминаний:

— Они пытались заставить меня отречься от веры, а также рассказать, где находится Пирсом. Я им ничего не говорила, а затем, видимо, потеряла сознание.

Шли дни и боль Клаудины постепенно стихала. Вскоре она уже снова могла ходить и двигаться более свободно, но стала молчаливой, постоянно думая о своем положении. Она чувствовала, что это было только начало ее страданий. Близок ли ее конец? Часто она жалела о том, что не знала этого. Внутри у нее шла постоянная борьба между страхом перед будущим и упованием на Господа.

«Выдержу ли я очередные страдания? Что, если под пытками я все же отрекусь от веры?» - страх стал реальностью.

«Достаточно для тебя благодати Моей».

«А вдруг в своей слабости я о чем-нибудь проговорюсь? Что, если я открою нечто такое, что не хочела бы открывать? Что, если я стану причиной страдания кого-нибудь другого?»

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как им что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать».

«А что, если меня убьют? Многие другие уже умерщвлены». Страх перед казнью вставал перед ней подобно огромному великану. Клаудина любила жизнь. На самом деле сейчас ей совсем не хотелось умирать. Но, с другой стороны, она не хотела продолжать жить, если это не будет Божьей воли. Да, на небесах будет чудесно, но, ах, как тяжела туда дорога!

Затем она вспомнила своего Спасителя: «Что Он сказал, глядя в лицо смерти? «...Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты»«.

Слезы застилали ей глаза: «Подумать только, ведь Иисус испытывал то же самое, что сейчас испытывает она! Он понимает! Он знает, через что я прохожу!»

Как прекрасны слова Писания. Всякий раз, когда страх грозил поглотить ее, ей на память приходило драгоценное обетование, - то, благодаря которому, она могла держаться, и

которое приносило покой.

Много отчаянных молитв вознеслось к небесному Отцу, и Клаудина почувствовала, что эти молитвы были услышаны. Борьба была нелегкой, но Его благодати было достаточно для нее.

Глава 21

Вскоре Клаудину снова вызвали на допрос. Взбираясь вверх по длинной лестнице, она испытывала сильную боль и думала о том, как вернется назад в этот раз.

Ее привели в камеру пыток и усадили на стул. Вокруг были все те же лица.

Чиновник заговорил любезным тоном:

— Я надеюсь, что на сей раз ты будешь мудрой и согласишься сотрудничать с нами. Нам не нравится так грубо обращаться с женщинами. Но если ты не признаешь свою неправоту, у нас не будет другого выхода. Мы будем рады позволить тебе вернуться к своей семье и забыть обо всем этом. Разве ты не хочешь этого? - Его губы растянулись в лицемерной улыбке, а глаза были холодными и жестокими.

Не совсем поняв сказанное и не желая попасть в ловушку, Клаудина вопросительно смотрела на него и молчала. Не получив ответа, чиновник продолжал:

— Думаю, к настоящему моменту ты уже убедилась в глупости своих странных понятий и убеждений. Ты не можешь не видеть тех нарушений, в которых ты виновна. Ты, как мать, не выполняешь должным образом своего предназначения. Кроме того, ты проявляешь непослушание церкви и законам нашей страны, повелевающим тебе быть послушным членом святой католической церкви. Итак, готова ли ты теперь признать свою вину в этом, как подобает добропорядочной гражданке?

— Я являюсь гражданкой небесной страны, и в Писании говорится: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». Я согласна быть послушной всему, что не противоречит Богу и Его Слову. К католической церкви я принадлежать не могу, ибо это - не истинная церковь.

Раздраженный таким ответом, чиновник заговорил с ледяной твердостью в голосе:

— Я вижу, ты все еще упорствуешь в своей глупости. Но мы заставим тебя подчиниться. Мы знаем, как это сделать. - При этом он многозначительно кивнул. В одно мгновение вся его мягкость исчезла, и тон его вдруг стал резким и деловым: - Видишь ли, мы не собираемся бесконечно терпеть твою глупость. Ты еще только слегка познакомилась с нашими методами, так что лучше тебе смириться сейчас и спасти свою жизнь. Король Филипп II уже утомлен всем этим безрассудством и возней с вами, глупцы, и его губернатор, герцог Альвский, также не будет попусту тратить на вас время. Он уже избавился от многих нарушителей порядка.

Да, Клаудина слышала о герцоге Альвском и его «Совете крови». Вести о нем распространялись повсюду, проникая даже сквозь стены тюрем. По распоряжению короля герцог Альвский был послан на север, чтобы навести там порядок. Он, не колеблясь, прибегал к любым методам уничтожения ереси. Его совет справедливо носит свое название «Совета крови». Чиновник продолжал:

— Знаешь ли ты, что бывает с такими людьми, как ты, которые упорствуют в своей глупости?

— Я знаю, что вы приговариваете их к смертной казни. Однажды вам придется ответить за это перед Богом, - сказала тихо Клаудина.

— Мы делаем миру одолжение. Мы лишь избавляем его от нарушителей спокойствия, - последовал жесткий, безжалостный ответ. Затем, снова возвращаясь к делу, он сказал: - А теперь отвечай на мои вопросы должным образом, и вскоре мы все это закончим.

И опять последовали те же вопросы, что и в прошлый раз, и на которые она отказывалась отвечать.

— Где Пирсом?

— Кто ваши руководители?

— Кто присутствовал при рождении ребенка?

— Где проходили ваши собрания? Клаудина молчала. Она лишь сказала:

— Я не могу вам этого сказать.

Вконец разгневанный и вышедший из себя чиновник сказал:

— Дайте-ка ей попробовать кнута. Тогда она, возможно, захочет говорить.

Появился палач. С отлаженной сноровкой он привязал ее к столбу.

Клаудина снова закрыла глаза в молитве, ожидая ударов. От первых страшных ударов кнута у нее перехватило дыхание. Она пошатнулась и упала бы, если бы не была привязана. Снова и снова кнут, свистя в воздухе, опускался на ее спину. Будет ли этому когда-нибудь конец? Огонь, обжигавший ее, становился невыносимым. Наконец запыхавшийся и уставший палач бросил кнут на пол. Он медленно развязал веревку и Клаудина, лишенная опоры, упала.

Находясь в полубессознательном состоянии, она услышала резкий голос чиновника:

— Возможно, теперь она поумнеет.

Клаудину небрежно подняли на ноги и усадили на стоящий рядом стул. Она молилась о силе, чтобы остаться верной, невзирая на мучительную боль. Ей в голову пришла мысль о том, что Иисус перенес точно такое же поругание ради нее, и осознание этого придало ей мужества.

— Итак, что скажешь нам теперь? - спросил чиновник.

— Ничего.

— Просто скажи нам, что отрекаешься от своей веры, и мы тебя отпустим.

— Я буду твердо придерживаться Христа и Его учений. Никакие уговоры, угрозы и аргументы не могли заставить Клаудину изменить своих убеждений. Она ни в чем не признавалась и ничего не раскрывала.

В конце концов, ее, хромающую и измученную, привели обратно в камеру. Соскучившись по ней, Ян пришел в восторг. Гендрик тоже был рад ее видеть, зная, что она устояла в вере. Долгими были для него эти часы, наполненные молитвами о Клаудине и попытками развлечь Яна. Он хорошо знал, через что она проходила, ибо сам испытал все это.

Клаудина почувствовала облегчение, когда день подошел к концу и она могла уложить Яна спать. Ее измученное тело с трудом выдерживало живые игры полного энергии малыша. Он уже научился делать несколько неуверенных шагов, и если только не спал, постоянно был в движении. Этим вечером он хотел ползать по ней, радуясь, что она вернулась. Ребенок невольно причинял ей страшную боль, касаясь ее свежих ран. Этой ночью Клаудина долго не могла заснуть. Иногда она пыталась оторвать окровавленные кусочки платья, присохшие к ранам в тех местах, где кнут рассек кожу.

Незамеченные в темноте ночи обильные слезы омыли лицо Клаудины. Почему ее борьба должна была быть такой тяжелой? Вместе с болью, причиняемой ей свежими ранами от жестокого избиения кнутом, она постоянно испытывала в сердце боль за своих родных. Казалось, что ее положение было бы намного легче, если бы Пирсом был здесь и помогал ей проходить через эти испытания, залечивал ее раны и ободрял ее. И все же, она никогда не

пожелала бы ему попасть в это ужасное место.

Обратившись к Богу в молитве и излив перед Ним все свои опасения, горе и страх, она обрела покой. По мере того как она молилась, небеса, казалось, приближались к ней.

Небеса - место, где нет слез, нет страданий, нет боли, нет зла; место, где присутствуют Христос и Отец! Там был Питер. Сейчас, как никогда раньше, ей хотелось попасть туда.

Внезапно осознание чего-то нового осенило ее. Эти страдания приносят пользу! Они заставляют ее стремиться к небесам так, как она еще никогда не стремилась.

Глава 22

Длинная, мучительная ночь, наконец, сменилась серым рассветом. Клаудина с тревогой встретила новый день. Что он приготовил для нее? Новые страдания?

Несмотря на то что сейчас у нее не было Библии, она любила начинать день с Богом. Прежде чем Ян, проснувшись, отвлечет ее от раздумий и займет ее время, она вспоминала стихи из Писания и молилась.

Этим утром она, как обычно, провела немного времени в размышлении, хотя, кажется, именно этим она и занималась всю ночь. Когда же она попыталась вспомнить Божьи обетования, в голове у нее были только туман и пустота. В чем же дело? Голод, страдания и все это напряжение сказывались на ее памяти. Осознав это, она испытала новую волну отчаяния, грозившую поглотить ее: «Господи, как же я смогу сохранить свою веру, если не буду помнить твоих обетовании?»

Ян зашевелился. Затем он сел, потирая глаза и с надеждой оглядываясь по сторонам. При виде Клаудины его лицо озарила довольная улыбка, и он протянул к ней свои маленькие ручонки.

Клаудина осторожно потянулась навстречу. Прижав его к себе, она целовала мягкие щечки: «Ах, малыш, разве тебе можно отказать, когда ты вот так просишься на руки?» Обвив мамину шею руками, Ян положил голову ей на плечо, чувствуя себя совершенно спокойным и удовлетворенным.

После завтрака снова появился тюремщик.

— Мне велено отвести вас и ребенка наверх, - с особой интонацией сказал он.

Страх, как кинжал, пронзил сердце Клаудины. Что все это значит? Что они собираются сделать с Яном, чтобы заставить ее отречься от веры?

Лицо Гендрика выражало глубокое переживание и сочувствие.

— Я буду молиться о вас, сестра, - тихо пообещал он. Клаудина вся дрожала, когда мужественно преодолевая боль, заставляла себя подниматься вверх по длинной лестнице. «Господи, пожалуйста, избавь меня от этого. Я больше не выдержу», - в смятении думала она. Тюремщику пришлось нести Яна и ей стоило огромного труда отдать малыша в его руки. Клаудине инстинктивно хотелось отчаянно уцепиться за него и никогда больше не отпускать.

Она облегченно вздохнула, когда ее привели не в камеру пыток, а в ту комнату, где ее ранее допрашивали.

Держа Яна на руках, она повернулась к чиновнику и священнику, сидящим перед ней.

— Согласна ли ты признать свое заблуждение и подчиниться церкви, как подобает добропорядочной гражданке?

— Я не вижу никакого заблуждения, которое должна была бы признать.

— Но ты знаешь, что не повиновалась мандатам нашей святой католической церкви; это-то ты признаешь?

— Я признаю, что отказываюсь участвовать в вашем идолопоклонническом служении, ибо оно не является той истинной верой, которой учит Христос.

— И в чем же оно идолопоклонническое? - холодно поинтересовался чиновник.

Клаудина вздохнула. Ах, с чего же ей начать? Подумав минуту, она осторожно начала свое объяснение. Она заметила писаря с поднятой в воздух рукой, готового записывать

каждое сказанное ею слово.

— У вас множество идолов. Вы пользуетесь распятиями и изображениями. Вы молитесь Марии и многим другим умершим святым. Вы берете кости мертвецов и кладете их в сундучки и на алтари. Все это не нужно. Я верю в то, что говорит Слово Божье: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему служи». «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Поскольку Бог пребывает в истинном чаде Божьем, у нас нет никакой нужды, да и к тому же, это неправильно - молиться образам, умершим святым и исповедоваться священникам. Все наши молитвы и исповеди должны быть направлены к Богу, и когда мы согрешаем перед своим братом, мы должны исповедовать этот грех перед Ним. Иисус сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Кроме того, об Иисусе написано: «...И нет ни в ком ином спасения: ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись». Как видите, именно поэтому я не могу молиться Марии. Она была таким же человеком, как и я. Она ничего не может для меня сделать, как думаете вы.

Клаудина замолчала, немного удивленная тем, что сказала такую длинную речь. Слова просто сами вылетали из ее уст, вдохновленные Святым Духом и произносимые силой ее твердого убеждения и веры в Бога.

— Ну, ну! Не произноси такой позорной клеветы на нашу святую мать Марию. Такая простая сельская женщина, как ты, не должна думать, что все понимает.

Клаудину совершенно утомили их ничтожные, бессмысленные рассуждения. Именно тогда, когда она была уверена в том, что они обязательно должны были понять то, что она говорила, они начинали бранить ее и обращаться с ней как с безумной или какой-то простушкой.

Затем чиновник перевел разговор на другую тему.

— Ты уже признала тот факт, что принимала крещение повторно. А разве ты не боялась властей?

— Я боюсь Бога больше, чем властей.

— Клаудина, тебе придется не сладко, если ты не покаешься за свои преступления и не примешь помилование.

— Я не знаю ни о каких преступлениях, в которых я была бы виновна в глазах Божиих.

— А разве ты не веришь тому, чему учит Писание: «Повинуйтесь наставникам вашим» и «царя чтите»?

— Да, я верю в это. Но я также должна добавить, что я, как и наши гонимые предки, считаю, что должна повиноваться более Богу, нежели людям. Я буду подчиняться законам нашей страны во всем, кроме тех вопросов, в которых они противоречат законам Божиим.

— Известно ли тебе, что король издал указ о смертной казни тех, кто крестился повторно?

— Да, это мне известно.

— И при всем этом ты все же упорствуешь в своей глупости. - Он покачал головой с отвращением и раздражением. Обращаясь к священнику, он сказал: - Вы должны доказать ей, что она не права.

Покашляв и облизав губы, священник начал свою длинную речь. Клаудина терпеливо слушала, но внутренне она была утомлена постоянным обсуждением одного и того же, в то время как в своем собственном сердце она была абсолютно убеждена, что Бог и истина были на ее стороне, а не на стороне ее обвинителей. Ян, наверное, тоже устал от всего этого, так

как начал хныкать и вертеться.

Когда Клаудине предоставили возможность ответить, она сказала:

— Это все ни к чему не приведет. Я знаю, что имею такой мир и радость в своем сердце, которых никогда не испытывала в вашей церкви. Я не желаю проклятия своей душе, подчинившись вашим требованиям. Поступайте со мной, как хотите; я останусь верной своему Господу. - В ее голосе звучало твердое убеждение.

Священник в гневе проговорил:

— Когда мы с тобой покончим, твои страдания только начнутся. Потом сами бесы будут разбираться с тобой в огне и сере.

Клаудина тихо проговорила:

— Я рада, что не вы являетесь Судьей всей земли. В Писании говорится: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать».

Чиновник спросил:

— Итак, ты не желаешь слушать нас и оставить свою непокорность, не так ли?

— Я готова оставить свою непокорность, если в чем-то есть моя вина.

Он покачал головой. Затем, поджав губы, с мрачным выражением на лице он встал. Подойдя к двери комнаты, он позвал тюремщика. С замирающим сердцем Клаудина ожидала, что будет дальше. Было непохоже, чтобы он с ней закончил, но зачем же тогда он звал тюремщика?

Спустя некоторое время чиновник вернулся и стал перед Клаудиной, злобно глядя на нее. Две пары глаз взглянули на него - одни невинные, а другие - озабоченные.

— Вот этот ребенок, - сказал он, указывая своим длинным пальцем на Яна. - Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что будет с ним, если ты будешь продолжать упорствовать в своей глупости?

Под его строгим, пристальным взглядом Клаудина чувствовала себя маленькой и беспомощной. Ей хотелось взять Яна и бежать куда угодно, лишь бы только выбраться из этого ужасного места. Она вся дрожала. Что все это значит? - «О, пожалуйста, пожалуйста, Господи». Эхом отозвался в ее мыслях тихий, умоляющий крик. Она инстинктивно прижала Яна покрепче к себе, и он удивленно взглянул на нее.

Чиновник все еще ожидал ответа.

— Я... я подумала, что если меня приговорят к смертной казни, возможно, я смогу отправить его к своей семье, - осмелилась она наконец.

— Ах, вот как! - губы чиновника презрительно скривились. - Сегодня мы даем тебе еще одну возможность. Либо ты откажешься от своей веры, либо от ребенка. Выбор за тобой. Итак, чем ты пожертвуешь?

Клаудина побледнела. Эти слова были подобны ужасным ударам, сильнее тех, что иссекли ей спину. Она наклонила голову к взъерошенной головке своего маленького сына и прижала его к себе. «Я не могу отказаться от Яна... Но я не могу и отказаться от веры!» Она сидела ошеломленная, с сухими глазами: «О, Господи, избавь меня от этого, пожалуйста!»

Затем снова раздался резкий, неприятный голос чиновника:

— Так мы забираем ребенка или ты соглашаешься подчиниться?

Клаудина могла только покачать головой. Какое же смятение было у нее внутри! Один голос кричал: «Отрекись от веры!» - В то время как другой умолял: «Но ты не можешь этого сделать!»

Снова послышался знакомый холодный, безжалостный голос:

— Согласна ли ты, признать свою ошибку? Если нет, мы возьмем этого ребенка и отдадим его тому, кто сможет воспитать его надлежащим образом. Мы не хотим, чтобы он вырос и проявил такое же непослушание. Так согласна ли ты исповедать свой грех?

У Клаудины закружилась голова. Это была реальность. Ей было сказано отдать Яна. Поэтому вызвали тюремщика. «Ян, Ян, я не могу позволить им забрать тебя! Но, ах, я не могу отречься и от веры!»

И снова заговорил чиновник:

— Ты должна ответить мне сейчас. Согласна ли ты подчиниться и признать свою ошибку?

Глядя на него глазами, полными слез, Клаудина ответила:

— Я не могу этого сделать, господин, - с мукой в голосе воззвала она. - Но, господин, пожалуйста, пожалуйста, смилуйтесь надо мною! - Она прижала малыша к груди.

— Забери его, - приказал чиновник тюремщику. Послышался звук приближавшихся шагов, и Яна вырвали из рук Клаудины. Когда его испуганные крики стихли вдали, слезы Клаудины сменились неистовыми рыданиям. Каждая клеточка ее тела заставляла ее побежать за тюремщиком и умолять его отдать ей сына, но она продолжала сидеть неподвижно.

Перед ней стоял чиновник. Он думал, что близок к победе.

— Ты можешь вернуть его, если только подчинишься, - сказал он почти успокаивающим тоном.

Но на все его уговоры, угрозы и обещания Клаудина лишь качала своей опущенной головой. Это было невозможно.

Затем ее, наконец, отвели обратно в камеру, с пустыми руками и красными, опухшими и все еще полными слез глазами.

Глава 23

Пирсом и мельник шагали по направлению к дому. Высоко в небе светило солнце, изливая свое тепло на деревню. Когда голодные мужчины подошли к двери дома мельника, их встретил манящий запах готовящейся еды.

Жена мельника суетилась на кухне. Ей не хотелось заставлять работников ждать.

— Мне следовало приготовить обед раньше. Должна признаться, что сегодня утром потратила немного больше времени на рынке.

Ее муж усмехнулся.

— Ты любишь поговорить, не так ли? - шутливо сказал он.

— Сплетнями я не занималась, - заверила она его. Затем серьезно продолжала: - Там снова говорили о той женщине, что находится в тюрьме. Она все еще упрямо стоит на своем, что бы они ни предпринимали, и теперь они забрали у нее ребенка, чтобы попытаться переубедить ее.

На лице Пирсома появилось выражение муки:

— А что они с ним сделали? - он напряженно ждал ответа на этот ужасный вопрос.

Жена мельника с удивлением смотрела на этого вдруг побледневшего, взволнованного человека, стоявшего перед ней, и напряженно ожидавшего ответа.

Пирсом попытался успокоиться.

— Они, конечно, отдали его кому-то, кто воспитает его в послушании церкви.

— А кто-нибудь знает, кому его отдали? - Пирсом не мог скрыть беспокойства в своем голосе.

— Этого, конечно же, не говорят, - она снова в недоумении взглянула на него, - ну, ладно, пойдемте к столу, обед готов, - она выдвинула стул, чтобы сесть.

— Я прошу меня извинить. Я что-то не голоден сегодня, - Пирсом с трудом выговорил слова и вышел за дверь, не дожидаясь ответа.

Оставшись одни, мельник и его жена приступили к обеду:

— Что его беспокоит? Он всегда так расстраивается, когда слышит плохие вести о той женщине в тюрьме.

Мельник был озадачен:

— Тебе действительно не стоит упоминать о ней, мать.

— Но он всегда интересуется этим. И ты это знаешь, - защищалась она. - Я просто не могу его понять. С чего бы это такому сильному мужчине так расстраиваться из-за этих упрямцев, сидящих в тюрьме? Они сами виноваты в том, что страдают!

Мельник продолжал есть, ничего не отвечая.

— Может быть, он просто очень чуткий человек. Он всегда был таким добрым и отзывчивым, - сказала его жена задумчиво.

С опущенной головой и тяжелым сердцем Пирсом отправился назад на мельницу. Найдя уединенный уголок, он разрыдался. Невыносимо думать о своей жене, заточенной в этой ужасной темнице и испытывающей невыразимые страдания, вызванные этой новой болью.

«Ах, Ян! - кричало его сердце. - Господи, зачем ты допускаешь это? Питер теперь в безопасности на небесах. Та печаль была ничтожной по сравнению с этой. Неужели Ян обречен на то, чтобы вырасти, не зная о нашей вере в Бога? Господи, дай Клаудине силы пережить это ужасное горе».

Мучительные мысли проносились в голове ошеломленного Пирсома в то время как он пытался смириться с этим новым ударом. Затем у него родился план. Он должен что-то предпринять. Ему следует с кем-то поговорить. Он попытается выяснить, что произошло с Яном. Он не сможет оставаться на мельнице целый день и скрывать свое горе.

Плеснув на лицо холодной воды, Пирсом уверенными шагами направился к дому. Глубоко вздохнув, он зашел в дом и обратился к мельнику:

— Могу ли я быть свободен остаток дня? У меня есть кой-какие дела, которые мне нужно сделать.

Почесав голову, мельник на минуту задумался:

— Да, можешь. Думаю, сегодня я справлюсь один. Спустя некоторое время, вечером этого же дня Пирсом сидел в своей комнате. При свете свечи он начал писать письмо к Клаудине:

«Да пребудет с тобой в этот час Божья любовь и утешенье. Это моя сердечная молитва за тебя, моя избранная жена.

Я хочу, чтобы ты знала, что мне стало известно о том, что у тебя забрали Яна. Я пытался выяснить, кому его отдали, но мне не удалось ничего узнать. Они, конечно, захотят скрыть этот факт, чтобы никто не узнал о нем.

Все это очень печалит меня и приносит огромную боль моему сердцу, особенно, когда я думаю о тебе, заточенной в тюрьме, борющейся с суровым искушением и отчаяньем. Я представляю, как мучительно все это для тебя, ибо знаю, как сильно ты любишь всех наших детей.

Я едва ли могу вынести мысль о том, что Яна отдали в руки чужих людей. Кто научит его бояться Бога? Ах, моя дорогая Клаудина, я с трудом пишу тебе, ибо слезы застилают мои глаза. Мужайся и храни свою веру. Павел сказал: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славою, которая откроется в нас».

«Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный». «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло». Поразмышляй над этим, Клаудина. Там, на небесах, не будет никаких слез и никакого горя. Это - мое пожелание и молитва за тебя. Я уже начинаю желать, чтобы ты увидела славу небес. При всей моей любви к тебе и при том, как бы мне хотелось тебя увидеть, я не желаю, чтобы ты вернулась ко мне, отрекшись от веры.

Я хочу поделиться тем, что служит для меня огромным утешением, когда я думаю о Яне. В Писании говорится: «Вот наследие от Господа - дети». Ян принадлежит Богу. Он дал его нам, и теперь допустил, чтобы его у нас забрали. Поэтому мы должны поручит его Господу, Который в силах позаботиться о нем. Мы должны молиться о том, чтобы Бог уберег и защитил его. «Много может усиленная молитва праведного».

Я знаю, что ты всем сердцем любишь свою семью, и что ты ни за что на свете не оставила бы ее добровольно. Но ради Христа ты была вынуждена это сделать. Но нам никогда не было гарантировано, что мы проживем вместе всю жизнь здесь, на земле. Когда-нибудь мы все должны будем умереть и расстаться.

Не думай, что мне легко от того, что нашу семью разрушили. Я пишу все это для того, чтобы ободрить в этом великом испытании и себя, так же, как тебя. Вспомни об Иове и обо всех тех способах, которые использовал дьявол, пытаясь заставить его проклясть Бога. «Господь дал, Господь взял; да будет Имя Господне благословенно! Во всем этом не

согрешил Иов, и не произнес ничего неразумного о Боге».

Это моя постоянная молитва, чтобы ты имела такую веру, какую имел Иов.

Я бы с радостью занял твое место в темнице. И, действительно, временами мне кажется, что мне было бы легче переносить эту боль самому, нежели испытывать страдания при мысли о том, что ты находишься там. Но Бог допустил, чтобы все произошло именно так; и с этим я должен смириться.

Моя драгоценная Клаудина, я благодарю Господа за те годы, которые Он позволил нам прожить вместе. Я сожалею о тех минутах, когда не был тем хорошим мужем, и благодарю тебя за то, что была мне прекрасной и верной женой. Если я больше уже никогда не увижу тебя на этой земле, то надеюсь снова встретиться с тобой на небесах. Сейчас настали опасные и неопределенные времена. Никому из нас не обещан завтрашний день.

Передавай от меня приветствие брату, который находится с тобой. Я был бы очень рад услышать от тебя и узнать, как у тебя обстоят дела, но я верю и молюсь, чтобы ты укрепилась Господом.

Еще напомню тебе твой любимый псалом. «Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться?»

Написано мною, Пирсомом де Мюлерсом, твоим мужем и братом в Господе».

Вздохнув, Пирсом отложил перо в сторону. Он взял письмо и снова перечитал его. Ах, как тяжело было найти подходящие слова для того, чтобы утешить Клаудину, в то время как его собственное сердце кровоточило. Возможно, он еще не осознал, насколько велико было его горе. Слова, написанные им в письме, звучали более смело, чем он сам временами чувствовал себя. Но он все же твердо решил придерживаться тех слов утешения, которые написал ей. И, каким-то образом, это ободрение, предназначавшееся его жене, послужило бальзамом и для его души. Ему оставалось только молиться о том, чтобы на Клаудину они оказали такое же действие.

Глава 24

Начался еще один длинный день. Клаудина тихо сидела возле стены рассеянно о чем-то думая.

Трудно было придумать, чем занять эти долгие часы, кроме как раздумьями. И всякий раз ее мысли обращались к Яну. Что он сейчас делает? Она представила, как он просыпается в чьем-то доме, и как о нем заботится чужой человек. Где он? Рады ли ему и любят ли его там? Хорошо ли эти люди с ним обращаются? Плакал ли он еще за ней или, быть может, уже забыл ее? Она была уверена в том, что он скоро ее забудет, если еще не забыл.

Ах, какую сильную боль все это причиняет ей. Ян мог обо всем забыть, а она - нет. Перестанет ли она когда-нибудь плакать? До сих пор она никогда не осознавала, насколько Ян наполнял ее дни бодростью и жизнерадостностью. А теперь его не было. Время, казалось, остановилось. Один бесконечный день сменялся другим в утомляющей монотонной последовательности.

Самым тяжелым борением были раздумья о будущем Яна. Неужели он вырастет, не зная путей Господних, никогда так и не узнав о вере своих отца и матери? Ах, если он обречен на то, чтобы не увидеть небес, какой тогда был смысл продолжать борьбу?

По мере того как эти мысли отягощали ее, она все глубже и глубже погружалась в отчаяние. Почему бы ей просто не сдаться? Тогда она, по крайней мере, смогла бы быть матерью для своих детей и наставлять их на правильный путь.

Пытку на дыбе и избиение было перенести намного легче, чем это. Зачем ей продолжать хранить свою веру и стремиться к блаженному, безболезненному и славному небесному миру, если ее дети, покинутые, лишенные матери и, возможно, предоставленные милости неверующих, останутся позади?

Это было ужасно - остаться здесь одной и сидеть, изо дня в день думая о Яне и вспоминая его милое, невинное бормотание; сидеть с ноющими руками, не имея рядом никого и ничего, что могло бы их занять и куда можно было бы их применить на протяжении долгих, долгих дней; сидеть, ничего не делая, а только раздумывая, раздумывая, раздумывая. Она знала, что ее гонители желали, чтобы все было именно так. Они верно предполагали, что тяжелее всего ей будет вынести это.

Но она могла молиться. Она провела в молитве бесчисленное количество часов, часто в слезах, струившихся по ее лицу. И именно эти часы помогли ей устоять. Временами утешительное присутствие Иисуса казалось таким реальным. Здесь, в этой камере, Клаудина узнала Его и научилась доверять Ему, как никогда ранее. Хотя ее горе и не исчезло, она все же испытывала в душе мир. Ее Бог был с ней.

Голосом, иногда дрожавшим, она пела для того, чтобы занять свои мысли. По мере того как она пела один за другим псалмы, выученные ею из книги мучеников, она начинала осознавать, что была не одна. Другие отцы и матери также прошли этот тяжелый путь. Бог помог им пребыть верными до конца. Они радостно и спокойно встретили свою смерть, желая совершить этот переход в свой дом на небесах. Она отчаянно молилась о том, чтобы Бог и ей дал спокойствие и радость.

Нет, она не может, она не должна сдаваться! Что за мать была бы она, если бы отреклась от веры? И что за женой она бы тогда была? Продолжать жить без Бога казалось невозможным. Ведь она не смогла бы жить без молитв и без того, чтобы рассказывать Богу о

своих проблемах. Что бы она делала, когда однажды предстала бы перед лицом смерти? К кому она могла бы обратиться кроме Бога? Нет, она никак не могла отказаться от своей веры. Жизнь без Бога была бы еще более холодной и мрачной, чем в этой тюремной камере.

Но плоть так немощна «Неужели я больше уже никогда не увижу своих детей? Никогда не увижу их ребяческих улыбок? Никогда не услышу их детских голосов, рассказывающих такие важные для них истории? Неужели кто-то другой будет их воспитывать и наблюдать за тем, как они растут?».

«А мой возлюбленный муж? Он, по крайней мере, взрослый мужчина, способный позаботиться о себе.

Неужели наша совместная жизнь навсегда закончилась? На небесах ведь не существует браков». У нее не осталось никаких воспоминаний об ошибках, допущенных в прошлом. Она помнила только те благословенные минуты и те особенные радости, которые они делили вместе.

Письмо Пирсома было подобно свету радости в темной ночи горя. Да, он был прав. Она останется верной Христу, чего бы ей это не стоило. Она должна это сделать. Другого пути просто нет. В глубине своего сердца она любила Господа и хотела быть Ему верной, а искушения были такими реальными. Но она знала, что должна делать. Ее любовь к Христу должна была быть превыше всего.

В один из темных дней Клаудина внезапно вспомнила одно место из Писания. Разве там не говорится что-то о матери, забывающей своего младенца? Она попыталась вспомнить, как в точности звучал этот стих. Постепенно он полностью восстановился в ее памяти. «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя».

Страх и беспокойство Клаудины рассеялись. Слезы утешения потекли по ее щекам. Возможно ли, чтобы Бог любил ее даже больше, чем она любила Яна? Ее разум едва ли мог вместить это. Насколько невозможно для нее было забыть Яна, для Бога еще больше невозможно было забыть ее. Ее сердце переполнилось любовью к своему Господу. Если Он не мог забыть ее, то Он не забудет и Яна. «Господи, помоги мне помнить о том, что Твои пути всегда превыше моих путей. Сейчас я не могу понять, почему должно было случиться все это горе, но, возможно, когда-нибудь я это пойму». Она упрекнула себя в том, что мало доверяла своему Небесному Отцу.

Что бы она делала без верного брата Гендрика? Будучи слабым и разбитым перенесенными страданиями, он все же делал все возможное для того, чтобы" поддержать и ободрить Клаудину. Его сильная вера всегда служила ей примером. Когда бремя становилось слишком тяжелым, она знала, что ей нужно только поделиться этим с Гендриком, и он поможет ей вспомнить истину, на которую она могла опереться и обрести покой.

Гендрик напомнил ей о том, что каждый человек должен будет ответить за себя пред Богом. Ее дети однажды также ответят за себя, если доживут до того возраста, когда будут в состоянии понять истину и сделать свой выбор. И Бог поступит с ними честно, ибо Он есть Бог справедливый. Она также была ответственна пред Богом и должна быть готова дать этот ответ. Она должна передать будущее Яна и будущее остальных своих детей в руки Божий. Поразмыслив, Клаудина поняла, что только это верно.

По мере того, как проходили дни, ее молитвы приобретали новый смысл. Она начинала чувствовать себя уставшей и изнемогшей. «Господи, я молю Тебя о том, чтобы Ты дал мне мужество и силы противостоять искушению плоти. Я готова предоставить себя Тебе в

жертву. Я знаю, что слаба, и молю, чтобы Ты вскоре избавил меня от этих испытаний». Часто молилась она этой молитвой, прося Бога положить конец ее страданиям.

Каким-то внутренним чутьем она понимала, что, наверное, уже никогда не будет выпущена на свободу. Теперь у нее не было никаких сомнений в том, что она умрет мученической смертью. Одна настойчивая мысль, беспокоившая ее, проявлялась в ее молитвах. «Отец, если меня приговорят к смертной казни, прошу Тебя, чтобы Ты забрал от меня все мои страхи, и чтобы я радостно и спокойно встретила свою смерть. Я хочу, чтобы Ты получил всю славу в моей смерти, как и в моей жизни». Она не хотела идти на смерть плача или будучи напуганной и дрожащей. Она хотела встретить ее спокойно, зная, что Бог с ней.

«Разве это не чудесно, если бы кто-то познал Господа и решил служить Ему через мою смерть?» - размышляла она.

Глава 25

Пирсом встретил новый день с тяжелым сердцем. Он чувствовал себя истощенным, уставшим и крайне измученным. Он провел бессонную ночь. Он молился до тех пор, пока у него не стало слов. Он пролил море слез. Его разум бился над решением бесчисленного количества вопросов.

Сегодня Клаудина должна была умереть. Герцог Альвский издал указ об очищении тюрем от еретиков.

Когда в окно зструился утренний свет, Пирсом достал последнее письмо Клаудины к нему. Оно должно было утолить его неудержимое стремление поговорить с ней. Он получил это письмо несколько дней назад. Конечно же, с тех пор она не изменила своего решения.

Прочитав его, он получил подтверждение, что она твердо решила оставаться верной до смерти, которая становилась все более вероятной.

И снова он преклонил колени в безмолвном прошении за свою жену, прежде чем предстать перед реальностью наступившего дня. Как он мог выполнять свои обычные повседневные обязанности, в то время как его жену, его возлюбленную жену в этот день должны были казнить?

Пирсом знал, что не сможет пойти и присутствовать при казни своей жены. Увидеть ее горящей было превыше его сил. Ужасных картин, созданных его воображением ночью, было достаточно. Но как бы тяжело ему не было, ему придется как-то пережить эти утренние часы. Напряженный, несмотря на бессонную посвященную размышлениям и молитвам ночь, он решил приступить к работе.

Зайдя на кухню, он попытался весело пожелать хозяевам доброго утра. Оторвавшись от помешивания овсянки, жена мельника подняла голову, чтобы ответить на его приветствие.

Пирсом с трудом заставил себя позавтракать. Сегодня, как никогда, ему были нужны силы. Жена мельника суетилась по дому, наводя везде порядок.

— Пирсом, - сказала она, - утром я иду смотреть на казнь этой женщины. Представить себе не могу, как человек может быть таким упрямым. Я должна увидеть ее сама. Хочешь пойти со мной?

Пирсом прокашлялся:

— Нет, мне не хочется смотреть на это. Но не могли бы вы внимательно за всем наблюдать и потом, когда вернетесь, все рассказать мне?

— Да, конечно. А теперь мне пора, так как я хочу прийти туда пораньше.

Надев на ноги свои деревянные башмаки и повесив на руку корзину, она поспешно вышла из дома и зашагала вверх по улице.

Для Пирсома это утро тянулось долго.

Обращаясь в молитве к Богу, он продолжал трудиться, но сделал очень мало. Его мысли были слишком далеко, чтобы он мог нормально работать. Когда, наконец, наступил полдень, он с облегчением вздохнул.

Пирсом вместе с мельником шел по направлению к дому, с волнением и нетерпением ожидая, и в то же время боясь того, что скажет жена мельника. Как сможет он вынести такой ужасный рассказ? Но он должен знать, осталась ли Клаудина верной.

Он с беспокойством наблюдал за женой мельника. Она же не заставила себя долго ждать.

— Пирсом, тебе следовало бы пойти утром со мной, - сказала она ему. - Прежде всего, я отправилась в тюрьму. Перед входом стояла группа людей, и мы слышали, как за Клаудиной (так ее звали) пошли, чтобы отвести ее на казнь. Когда ей сказали, куда ее ведут, она начала петь. Ее пение было таким красивым, и она казалась такой счастливой! Я никак не могу этого понять. У нее должно быть, помутился рассудок, и она не понимала, что ей говорили - это единственное объяснение, которое я могу найти, - сказала жена мельника, озадаченно качая головой.

— Она пела: «Господь - свет мой... кого мне бояться?- кто-то сказал, что это псалом из Библии.

— Вы видели, как ее казнили? - Пирсому не терпелось узнать все.

— Да. Мы шли за ними, когда ее и мужчину по имени Гендрик вели к рыночной площади на место казни. Они оба выглядели такими счастливыми и довольными. Можно было подумать, что они направляются на свадьбу или на пир. Их руки были связаны, и рты закрыты кляпом. Если бы им не закрыли рты, я уверена, что Клаудина бы пела. Я еще никогда не видела никого таким счастливым. Она продолжала рассказывать, забыв про обед.

— Когда мы пришли на место казни, там уже стоял эшафот. На нем было два столба с разложенными вокруг них дровами. Клаудина и мужчина поднялись на него и палач привязал их к столбам. Затем он задушил их. Все было так тихо и спокойно - ее голос задрожал и глаза наполнились слезами.

Почувствовав себя неловко, она быстро смахнула с глаз слезы и закашлялась.

— Не знаю, почему это так на меня действует. Они казались такими счастливыми и невинными. Если бы они только не были такими упрямыми, - сказала она. - Когда их привязывали к столбу, Клаудина закрыла глаза и подняла свои связанные руки к небу. Наверное, она молилась. Она выглядела такой спокойной, радостной и умиротворенной. - Жена мельника в недоумении снова покачала головой. - Когда ее душили, она не сопротивлялась. Казалось, будто она просто заснула. А затем их сожгли.

Это была вся история.

— Я не могу понять, почему такие хорошие люди были так упрямы, - снова повторила в полном недоумении жена мельника.

Пирсом больше уже не мог сдерживать свои чувства. На этот раз, он не пытался скрыться из виду, когда из его глаз потекли слезы. Это было таким облегчением узнать, что Клаудина осталась верной Господу, и что теперь ее страдания закончились. Он расскажет своим друзьям правду, независимо от того, какими будут последствия. Когда он снова овладел своим голосом, он сказал:

— Та, которую вы видели казненной сегодня утром, была моей возлюбленной и очень разумной женой.

Мельник и его жена были потрясены: «Что?» - жена мельника не верила своим ушам. Ослабев, она опустилась на стул и, раскрыв рот, уставилась на Пирсома.

— Это была моя жена, и она была в своем уме, - снова сказал Пирсом. Твердое намерение защитить истину стерло в настоящий момент весь страх и чувство горя. - Я разделяю те же убеждения и веру, за которые она отдала свою жизнь.

Мельник и его жена едва ли могли постигнуть еще одну ошеломляющую новость. Они безмолвствовали.

— Когда ее арестовывали, инквизиторы искали меня, но я бежал, и они забрали ее. Я приехал в этот город, потому что моя жена сидела здесь в тюрьме.

Постепенно для его слушателей все начало становиться на свои места. Теперь им стало понятно, почему Пирсома так тревожили те события, о которых рассказывала жена мельника, возвращаясь домой с базара.

— Почему ты не поддерживаешь государственную церковь? - спросил мельник. Они с женой были готовы выслушать Пирсома. Об обеде уже и вовсе позабыли.

Пирсом сел за стол, и мельник последовал его примеру.

Пирсом попросил Бога о мудрости. С чего ему начать? Он взглянул на жену мельника.

— Вы рассказали нам о том, какой счастливой и умиротворенной была моя жена. Бог дал ей этот мир и счастье потому, что она была послушна Его Слову и доверяла Ему. Государственная церковь не повинуется Слову и не имеет мира с Богом, который мог бы распространяться и на ее членов. Кроме того, - продолжал Пирсом, - в государственной церкви есть множество обычаев, которые прямо противоречат Писанию. Мы стараемся исполнять только то, чему учит Божие Слово. Именно по этим причинам она не была, а я не являюсь членом государственной церкви.

Пирсом встал и поспешил взять свою Библию. Затем он вернулся на свое место и начал перелистывать знакомые, потрепанные страницы.

— Видите ли, - объяснял он, - мы никогда не испытывали истинного мира в душе, когда исповедовали свои грехи священникам. Во времена Ветхого Завета, до пришествия Христа, священники были необходимы в Божьем плане для того, чтобы приносить жертвы Богу за людей. Но в Послании к Евреям мы читаем о том, что смерть Иисуса на кресте ознаменовала начало нового и лучшего завета. Для того чтобы обрести спасение, мы должны прийти к Иисусу. Именно Он умер за наши грехи, и Он является нашим единственным Посредником. Позвольте мне прочитать вам из Послания к Евреям. «По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа». В католической церкви нас учили тому, что каждая месса - это телесное присутствие на алтаре Иисуса, приносимого церковью в жертву Богу в качестве искупления за грехи человечества. Но согласно Божьему Слову, мы видим, что это - ложное учение, ибо здесь говорится, что тело Иисуса было принесено в жертву за грехи человечества «единократно». Позвольте прочитать вам дальше. «И всякий священник ежедневно стоит в служении и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога». Пирсом замолчал и поднял голову.

— Как чудесно знать, что Он сегодня там, и является Посредником между нами и Богом. Мы можем прямо и смело приходить к Нему в молитве, не обращаясь к священникам, и Он слышит нас. В одном месте Писания говорится: «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому». Библия учит нас тому, что мы должны отделиться от того, что является греховным и неверным, если хотим иметь Божье благословение. Вы сами знаете, как порочны некоторые священники. Вы знаете, сколько в наших городах незаконнорожденных детей, отцами которых являются священники, принявшие клятву безбрачия. И, конечно же, вам известно, что подобное является грехом. И еще много другого зла практикуется и допускается в государственной церкви.

Мельник и его жена медленно кивали головами. Да, они понимали, о чем говорил Пирсом.

— Вы, наверное, знаете, что нас называют анабаптистами. - Замолчав, он взглянул на них вопросительно. Они снова кивнули. - Причина этого вот в чем. «Кто будет веровать и креститься, спасен будет». Это слова Самого Иисуса. Может ли младенец веровать?

Мельник и его жена в один голос ответили:

— Нет.

— В Писании мы читаем о том, как взрослые, а не грудные дети, принимали крещение. Когда мы с Клаудиной осознали свою нужду, мы исповедали свои грехи прямо перед Богом во Имя Иисуса, нашего Посредника, и поверили, что Господь простил нам наши грехи. Затем мы были крещены по исповеданию нашей веры в Него.

Пирсом внимательно наблюдал за своими слушателями и, да, он видел, что они, похоже, постигают истину того, о чем он говорит.

— В Писании говорится, - продолжал он, - «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». В другом месте говорится так: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Павел в своих Посланиях предостерегает нас, чтобы мы «...убегали идолослужения». Наша вера - это вера в Иисуса Христа единого, а не в реликвии, святых или Марию. Мы не поклоняемся ничему и никому, кроме Христа и Отца.

Теперь заговорил мельник:

— Я знал, что некоторые вещи, которым нас учили, не имеют смысла, но я никогда не знал о том, что в действительности говорит о них Библия. Но разве в Библии не сказано, что мы должны повиноваться тем, кто властвует над нами? И если нам велено принадлежать к государственной церкви, я думал, что мы должны повиноваться.

— Но Писание также говорит и о том, что «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», - ответил Пирсом. - Если повеления государства противоречат повелениям Божиим, тогда мы должны повиноваться Богу.

Жена мельника нерешительно сказала:

— Она действительно встретила свою смерть умиротворенной. Она совершенно не испытывала никакого страха. Я бы так не смогла. У нее, должно быть, было нечто такое, чего нет у нас.

Пирсом энергично кивнул:

— У нее в душе был мир, который может дать только Христос. Писание обещает, что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». И Бог также обещает, что «довольно для тебя благодати моей». Наши страдания не были легкими, но я не променял бы на легкую жизнь уверенность в том, что в моем сердце живет Христос и тот мир, который он мне дает. Лучше я буду иметь свободную и чистую совесть и надежду на небеса, нежели буду иметь легкую и беззаботную жизнь на этой земле и мучения в жизни будущей. Такой выбор сделала для себя и Клаудина, и это помогло ей остаться верной Богу и Его истине до конца.

Они все продолжали и продолжали говорить. Пирсом многое читал из Писания, и мельник со своей женой его внимательно слушали. Часы пролетали незаметно.

Солнце уже садилось за горизонт, когда мельник отрывисто сказал:

— Я желаю иметь такой мир, с которым умерла твоя жена.

Его жена лишь ждала, пока он скажет это первым.

— Ах, и я тоже этого хочу, - воскликнула она.

— Вы понимаете, чего это может вам стоить? - предостерег их Пирсом. - Это может стоить вам жизни, как это произошло с моей женой. Жизнь ваша не будет легкой, но я могу обещать вам, что вы будете иметь Божий мир.

— Я могла бы умереть завтра из-за чего-нибудь другого, и в своем сердце я знаю, что боялась бы умирать. Я хочу быть готовой встретиться с Богом в мире так, как твоя жена, -

сказала жена мельника.

Ангелы возрадовались на небесах, когда мельник, его жена и Пирсом преклонили колени в молитве. Еще две души нашли спасение в Иисусе Христе.

Эпилог

История о Пирсоме и Клаудине была напечатана в книге «Martyrs Mirror» [«Зеркало Мучеников»] (стр. 737, 738). Огромное количество информации о том времени, в котором они жили, было взято из книги «Anabaptism in Flanders 1530-1650» (Herald Press) [«Анабаптизм во Фландрии 1530-1650 гг.»]. Большинство действующих лиц в книге подлинны.

Показания анабаптистов были заимствованы в основном из записей различных допросов в «Зеркале Мучеников».

Семье так никогда и не удалось узнать, что произошло с Яном. Мельник и его жена приняли крещение и вскоре после этого также присоединились к числу мучеников.

Гонения на меннонитов продолжались во Фландрии на протяжении еще многих лет.

---

notes

Notes